

Николай Брест

ВРАГ ИЛИ БРАТ?

Николай Брест

Враг или брат?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66734138

SelfPub; 2021

Аннотация

Повесть основана на реальных событиях. Главный герой повести «Враг или брат» – снайпер ополченцев ДНР с позывным «Угрюмый». Это отважный воин с солидным боевым опытом. Ему противостоит молодой, но умелый и амбициозный снайпер ВСУ. Кто победит в этой беспощадной схватке на Донбассе? Что несёт братоубийственная война? К чему ведёт жестокость и есть ли место милосердию в сердце профессионального воина? Через действия героев автор увлекательно рассказывает историю поиска компромисса между долгом, профессионализмом и человечностью.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	24
Глава пятая	29
Глава шестая	35
Глава седьмая	44
Глава восьмая	54
Глава девятая	67
Глава десятая	75
Эпилог	83

Николай Брест

Враг или брат?

Глава первая

Ярик лежал метрах в семидесяти за бетонным блоком. Знаками звал Угрюмого к себе. Летнее солнце нагревало утренний воздух Донбасса. До позиций вооруженных сил Украины было метров восемьсот. Угрюмый, опасаясь вражеского тепловизора, медлил откликаться на призывы временного напарника. Внимательно, метр за метром, осматривал ландшафт, пытаясь вычислить снайперскую лежку.

Уже несколько суток Угрюмый, скрытно перемещаясь по «серой зоне», искал вражеского снайпера с позывным Рико, вызывающего страх и неуверенность среди ополченцев ДНР. Получив задачу от командира разведчиков, Угрюмый больше двух недель изучал обстановку. Способы реализации выстрела. Дальности, с которых работал Рико. Пытался понять логику действий снайпера противника. Искал его сильные и слабые черты. Для помощи в решении поставленной задачи, невзирая на протесты Угрюмому, назначили вторым номером, молодого ополченца Ярика, который знал Рико в лицо.

Отчаянный, бесстрашный, самоуверенный Ярик называл себя «Слава Ярый». Поклонялся Перуну и другим древним

славянским богам. Постоянно ошивался на передке и бравировал своей неуязвимостью. Сидел несколько часов в окопе под артиллерийским обстрелом, первым ходил в атаку, с пулеметом подбирался почти вплотную к украинским позициям. Устраивал одиночный бой и возвращался невредимым. На предложения быть осторожней, отвечал, что заговорен самим Сварогом. Теперь ни пуля, ни осколок его не возьмут.

Угрюмый опасался быть рядом с такими людьми. Бывало они выходили невредимыми из смертельно опасных ситуаций, но часто ценой жизни своих соратников. А потом, сами погибали от «случайных», «шальных» попаданий.

Сейчас Славик Ярый поднялся в рост, сложил ладони рупором и громко звал Угрюмого. Снайпер вздохнул и, опасаясь тепловизоров, начал осторожно менять позицию.

Первая мина прилетела рядом с Яриком через полторы минуты после того как он поднялся на ноги. Земля встала дыбом, взвыла и плеснула осколками и комьями глины. Слава Ярый прыгнул в сторону и, свалившись ничком, замер. Угрюмый подхватился, бросился к напарнику, стараясь успеть до следующей атаки. Второй взрыв ударил в лицо и по ушам. Снайпер упал, закрыв голову руками. Сыплющаяся сверху земля застучала по спине. До лежащего Ярика оставалось метров десять. Угрюмый вскочил, быстро преодолел разделяющее их расстояние и перед самым взрывом упал, закрывая собой молодого бойца.

Ударная волна провалила снайпера в темноту. Ненадолго. Он очнулся через минуту от пульсирующей боли в голове и тошноты. Открыл глаза и обнаружил себя и напарника лежащими за бетонным блоком. Видимо Ярик перетащил снайпера, пока тот был без сознания.

Мины рвались, разрывая клочками землю и асфальт. Угрюмый звуков не слышал. В голове стучал молоток, шипело и свистело. С трудом приподнял голову и увидел в глазах «заговоренного» Ярика испуг. Превозмогая боль, достал из нагрудного кармана матерчатый поясок с молитвой «Живый в помощи». Начал читать ее, широко открывая рот, пытаюсь докричаться до напарника, но не услышал своего голоса. От близких разрывов, внутренности вздрагивали. Однако, слова молитвы звучали в самом сердце.

В который раз, находясь в опасном положении, Угрюмый делал так и знал наверняка, что пока молитва заполняет сердце, смерть бессильна. Он взял побелевшего от страха Ярика за руку и, глядя в глаза, кричал, не слыша: «...Ангелом своим заповесть о тебе, сохраняти тя во всех путех твоих...».

Мины разрывались совсем рядом. Были видны разлетающиеся смертельные осколки. Так продолжалось около часа. Когда все закончилось, поползли в зеленку. Там Угрюмый вырубился. До базы Ярик нес снайпера на себе.

Прошло несколько дней. Напарники сидели рядом на большом бревне возле блокпоста.

– Перестань бравировать своей безумной храбростью. Не ищущай Бога! На войне надо быть осторожным! – говорил Ярику Угрюмый.

– Но ведь все закончилось хорошо, – возражал молодой ополченец, – все живы, ранений нет. Ну подконтузило тебя слегка! Ну немного страху натерпелись! Но теперь мы оба заговоренные!

– Дурак ты! – спокойно сказал Угрюмый. – Задачу-то мы не выполнили!

– Выполним потом! – самоуверенно заявил Ярик.

– Послушай, браток, – Угрюмый терпеливо, спокойным тоном, продолжал увещевать напарника, – тебе смелость дана для жизни, а не для смерти. Не стоит рисковать без надобности! Сам погибнешь и товарищей погубишь! Кому нужны мертвые герои? Лучше быть живой боеспособной единицей.

– Да ты трус что ли? – Ярик удивленно посмотрел на снайпера.

Угрюмый вздохнул:

– Может и так... однако четвертую войну переживаю, – помолчал и прибавил, – С Божией помощью! – и перекрестился. Ярик брезгливо взглянул на напарника.

– Да что твой Бог? Себя спасти не мог! Его самого распяли! – молодой разгорячился. Угрюмый смотрел на него. Вдруг, внутри, в глубине своего сердца, ощутил холодящий душу страх. Повернул голову направо. Быстро глянул в сто-

рону зеленки. По спине побежали мурашки, и какая-то сила толкнула в грудь. Угрюмый резко опрокинулся в траву. Все произошло одним движением – в миг.

Угрюмый, падая, успел повернуть голову к Ярику, запечатлеть его разъяренное лицо, крикнул: «Ложись!», но в тот же момент увидел, как череп напарника раскалывается и разлетаются красно-белые брызги. «Рико!» – мелькнуло в сознании.

Ярик упал на бок, и его удивленно-вопросительные глаза уставились в небо. Из пробитой головы пульсируя вытекала кровь. Время остановилось. Щемящая тоска уколола сердце старого воина. Он долго лежал, не шевелясь рядом с напарником. Видел, как с блокпоста в зеленку рванули разведчики из группы Хмурого. Слышал крики, стрельбу, чувствовал теплоту летнего ветерка и ... думал о Ярике.

Вернулись разведчики. Подошли к Угрюмому.

– Ушел гад! – раздраженно сказал один из бойцов.

– Это был Рико, – с уверенностью сообщил другой.

– Почему ты так решил? – спросил Угрюмый.

Боец проговорил:

– Я его по снайперской панаме узнал. На ней желтый светоотражающий смайлик сзади пришит. Еще по гильзе триста тридцать восьмого калибра. Он всегда такую на позиции оставляет, когда особенно близко подбирается и удачно выстрелит, – боец протянул стреляную гильзу Угрюмому.

«Вот пижон этот Рико!» – подумал снайпер. Встал, закрыл Ярику глаза, сказал:

– Всё, мужики! Теперь достать этого стрелка – дело чести! Пойду в «автономку» один, без помощников! – изобразил на лице подобие улыбки и пошутил, – Это будет моя добыча! – но в голосе звучал холод.

Почти неделю Угрюмый лазил по тылам противника в поисках следов своей цели.

Он настроился на Рико и только на него, пропуская другие значимые цели. Например, американского инструктора, беспечно расхаживающего на одном из блокпостов ВСУ.

День за днем, ночь за ночью Угрюмый осматривал, сидел в засадах, выжидал, вычислял... – безрезультатно. Но не сдавался. Интуитивно, чутьем – тем, которым зверь чувствует зверя, добычу, – снайпер ощущал близкое присутствие своего противника. Понимал, что тот где-то рядом.

Однажды снайпер нашел место, где было возможно оборудовать очень хорошую снайперскую «лежку» для стрельбы по позициям ополченцев. Угрюмый сел в засаду рядом с ней.

Прождал несколько суток и так устал, что в одну из ночей заснул с открытыми глазами. Во сне увидел Ярика в славянской одежде. Тот шел по лесу, хрустя ломающимися ветками...

Угрюмый вздрогнул. Он скорее ощутил сердцем, чем увидел, два темных пятна метрах в пятидесяти перед собой

– именно там, где ожидал. С рассветом различил двоих. Один лежал с винтовкой, прильнув к оптическому прицелу. На снайперской панаме желтел смайлик. В мощную оптику Угрюмый разглядывал детали рисунка. Второй номер сидел метрах в двух позади Рико, слившись с кустом. Наблюдал в американскую зрительную трубу. Пара ждала цель. Угрюмый тихо навернул глушитель и зарядил винтовку дозвуковым патроном. Прицелился. Все трое замерли в ожидании. Между тем солнце полностью встало. Загудели пчелы и мухи, зеленка зашумела звуками своей жизни. Прошло несколько часов. Внезапно второй номер тихо цокнул языком, Рико дослал патрон и закрыл затвор. Угрюмый слился с оружием воедино. Время остановилось. Со стороны позиций ВСУ заработал пулемет. «Пора!» – прозвучало в голове. Угрюмый, выжал спуск. Приклад мягко толкнул в плечо. Винтовка тихо щелкнула. Пуля ударила Рико точно в смайлик на панаме, разметав кровь и мозги по листве. Голова сраженного врага ткнулась в землю. Окровавленный головной убор слетел на траву. Внутри Угрюмого захохотал Ярик. Снайпер медленно вдохнул и перевел оружие на второго номера. Тот резко упал и, быстро заскользив по-змеиному, пополз вдоль канавы в зеленую густоту. Угрюмый сморгнул «замыленным» глазом. Достал гильзу, оставленную Рико после убийства Ярика. Положил ее на тело вражеского снайпера. Огляделся. Скрытно двинулся к своим.

Командир разведчиков смотрел на Угрюмого в ожидании.

– Смайлик готов. Второй номер ушел, – коротко доложил снайпер.

– Спасибо, брат! Да мы и не сомневались, что ты его достанешь! – Хмурый, искренне радуясь, хлопнул Угрюмого по плечу: – Иди отдыхай.

Снайпер кивнул и вышел из штаба.

Глава вторая

Ночь была темная и тихая. Только редкие выстрелы и пулеметные очереди напоминали о войне. Угрюмый двигался к позициям противника с целью поиска места для снайперской «лежки» – разведка сообщила, что вскоре ожидается прибытие на передок генерала ВСУ. Нужно быть готовым.

Налегке – с автоматом и маленьким штурмовым рюкзачком, наслаждаясь свободой движения, Угрюмый подбирал место для выстрела. Нужно подойти метров на пятьсот к блокпосту противника. Снайпер прополз ещё метров сто, как внезапно от разрушенной хаты донесся тихий разговор и приглушенные стоны.

Остановился, напрягая слух. Всмотрелся в очертания разрушенного строения. Так и есть! Сквозь проломы в стене видны отблески небольшого костерка. Осторожно обошел хату кругом, приблизился со стороны кустов, приподнял автомат. Вставляя приклад плечо, старался не зацепить ветки ПБСом. Высунулся из-за стены. Увидел бойца ВСУ в снайперской панаме, перевязывающего голову беременной женщине. Она постанывала и что-то тихо говорила недовольным тоном. Рядом с ней сидел чумазый мальчик лет десяти и на-супившись, смотрел на маленький, еле дающий свет костерок. Позади бойца ВСУ стояла на сошках снайперская винтовка финского производства. У ополченцев таких не бы-

ло. Угрюмый пригляделся и узнал в бойце напарника убитого Рико. Придвинулся ближе, щелкнул переводчиком огня и тихо, отчетливо произнес:

– Руки на голову! Ложись лицом вниз! Не дергаться! – женщина вскрикнула, обхватив голову. Мальчик вздрогнул и уставился в темноту. Напарник покойного Рико положил руки на панаму и обернулся на голос.

Угрюмый повторил:

– Лежать! Лицом вниз! Руки на голову!

Когда пленный лег, снайпер выскочил из кустов, скрутил лежащему руки за спину, зафиксировал пластиковыми наручниками, отодвинулся в темноту и приказал пленному сесть. Все произошло очень быстро и при полном молчании.

– Кто вы? Почему оказались здесь? – обратился снайпер к женщине. Та вздохнула и, сердито глядя на пленного бойца, ответила:

– Я сестра этого укропа. А это, – она обвела рукой во круг, – развалины моей хаты! – женщина всхлипнула и, едва сдерживая слезы и ярость, продолжила: – Проклятые фашисты минометами... Ой, – она схватилась за живот, – ой! А это сынок мой средний Василько! – мальчик встревоженно шевельнулся.

– Где остальные члены семьи?

– Муж и старший сын в ополчении воюют против, – кивнула в сторону брата, – этих укропов. Ой, – опять схватилась

за живот, – рожать скоро, а тут еще и осколком голову зацарапало.

– Тебе в больницу надо, – сказал Угрюмый, – тут до украинского блокпоста недалеко. Идти можешь?

– Ей туда нельзя! – подал голос пленный. – Она ведь жена сепаратиста! Убьют, да еще и надругаются. Василя тоже не пожалеют. Там батальон «Азов» стоит, – пленный кашлянул и продолжил: – На этом участке есть тепловизоры. Не пройдёте никуда!

– Что предлагаешь? – спросил Угрюмый. Пленный недолго помолчал, глядя в темноту. Твердо сказал:

– Могу провести к ватникам, – вздохнул: – Если отпустишь!

– Не слушай его! – взорвалась женщина. – Он же укроп! Против своей семьи воюет – ничего святого! Снайпер! Вон сколько наших убил! Лучше застрели его!

– Не надо, дяденька! – перебил мать Василь. – Не стреляй! Дядя Коля хороший. Просто он присягу давал, – мальчик заплакал. Женщина обняла его и тоже заплакала. Угрюмый вышел из темноты к огню. Пленный взглянул на снайпера и застыл в крайнем удивлении. Лицо вытянулось, глаза округлились, рот непроизвольно открылся. Выдавил пересохшим горлом:

– Угрюмый... живой!

– Откуда мой позывной знаешь?

– Та мы на тебя целый месяц охотились! Нам десять тысяч

гринов обещали, – вражеский снайпер никак не мог отойти от удивления. – Я же своими глазами бачив попадание – бачив як твоя башка вбухнула от пули!

– Это вы моего заговоренного напарника завалили. А меня Господь уберег! – Угрюмый достал из нагрудного кармана поясок с молитвой «Живый в помощи».

– Не розумию! – все не унимался пленный. – Ты же ближе к посадкам сидел?

– Так точно.

– В тебя и попало. А второго рикошетом... всего ж сто пятьдесят метров было... – боец замолчал. Затем встряхнул головой и протянул: – Да-а-а...

– Слава Богу, я жив! – Угрюмый перекрестился, поглядел внимательно на пленного. – Тебя-то как звать?

– Мой позывной Кабан, – буркнул пленный.

Женщина пристально посмотрела на брата и тихо сказала:

– Ах вот как!

Кабан повернулся к ней и с улыбкой продолжил:

– А имя мое Мыкола! – затем к Угрюмому. – А як твое?

– Зачем оно тебе? Позывной знаешь – и хватит! – Немного помолчали. Костер почти потух.

– Ну что ж, – снайпер встал, – веди нас, Кабан. Только не как Иван Сусанин поляков.

– Может, без него пойдём? – спросила женщина. – Не верю я ему!

– Закинчуй, Тома! Я шо зовсим – ридных вбываты?! –

Микола развел руками.

– Отож, брехун, – ответила сестра, – десять тысяч долларов? Кто ж тебя, укропа, знает?

– Отставить балаган! – резко приказал Угрюмый. – Выбора у нас нет – придется довериться Кабану! Пошли.

Половину ночи необычная группа пробиралась к позициям ополченцев. Несколько раз попадали под обстрел. Однажды под минометный. При первом же взрыве Кабан упал, закрывая собой мальчишку. Небольшим осколком проводника ранило в плечо. Угрюмый освободил пленника от пластиковых наручников, перевязал рану и вернул винтовку. Ближе к рассвету добрались до вполне безопасного места. В ополченскую зеленку.

– Ось и все, – остановился Кабан, – дальше без мене.

– Хорошо. Благодарю! – Угрюмый протянул руку. Кабан пожал.

– Скажи, – спросил Угрюмый, – зачем ты на панаму смайлик налепил, как покойный Рико?

– В память о друге.

– Будешь мстить? – Угрюмый тяжелым взглядом смотрел на Миколу. Тот отвел глаза. Пробурчал: – Война есть война.

– Лучше не делай этого! – искренне сказал Угрюмый.

– Почему? – Кабан удивленно вскинул брови.

– Потому что правда на моей стороне! А ты против своих

родственников воюешь! Называешь их ватниками и российской армией! Бог – на моей стороне!

– И на моей тоже! – Кабан достал из нагрудного кармана матерчатый поясок с молитвой «Живый в помощи», показал: – Ты не того убил! Рико – это я! С моей винтовкой лежал напарник. Кабан – его позывной. Он был совсем зеленый! Очень хотел убить кого-нибудь из ватников. Выпросил у меня панаму – «на удачу!». Вот так! Почему меня Бог спас – не знаю! Но накануне, я повредил руку. Поэтому работал «вторым».

Приподняв в прощальном жесте панаму, Микола повернулся и пошел прочь.

– Подожди, Рико! – Угрюмый взмахнул, указывая направление рукой. – Иди левым краем посадок – справа растяжки и забытые мины, – затем помолчал и закончил: – Мое имя Николай!

– Спасибо... брат... Николай! – вражеский снайпер скрылся в листве. Женщина и мальчик со слезами смотрели ему в след.

Глава третья

Угрюмый вздохнул. Из груди вырвался сдавленный, хриплый стон.

– Ось! Очнулся клятый сепар! – один из бойцов ВСУ отделился от группы, сидящей у костра, и подошел к лежащему на боку связанному снайперу. Слегка пнул и веселым пьяным голосом сообщил: – Зараз допрашивать будем.

Угрюмый стиснул зубы, закрыл глаза. Сосредоточившись начал мысленно погружаться в себя, стараясь полностью отделиться от внешнего мира. В пульсирующем болю сознании застучали молоточками слова: «Господи, прости и помилуй!». Сердце гулко стучало.

Посыпались удары. Тело вздрагивало. К избиению присоединился офицер. Угрюмый погрузился в ощущения нереальности происходящего. Сознание его привычно фиксировало детали окружающего мира. Неожиданно, резкие вспышки боли, электрическим разрядом пробивавшие тело, притупились. Отчаяние сменилось надеждой, разум вошел в необычное состояние. Угрюмый ощутил в себе спокойную, уверенную силу, готовность терпеть до конца. Не обращая внимания на боли в груди, плавно вдохнул и медленно-медленно выдохнул. Разум постепенно отстранился от тела. Все звуки и чувства приглушились, пространство сузилось, превратившись в своды узкой трубы. Туда неожиданно втянуло

Угрюмого. Понесло с ускорением вверх – все выше и выше. Затем с легкой вибрацией – «Ф-р-р-р!» снайпер вылетел на свет, увидев сверху тело, лежащее на земле.

Сильное удивление охватило Угрюмого, но он спокойно наблюдал. А внизу крича и матерясь, офицер добровольческого батальона нацгвардии Украины, пинал связанное, лежащее ничком, бездыханное тело. Оно когда-то было снайпером с позывным Угрюмый. Вся жизнь – от младенчества до сего дня – в одно мгновение пронеслась перед взором вылетевшей из тела души, сменяясь картинками, как фильм в кинотеатре. Что-то теплое и горькое коснулось сердца. Снайпер удивленно ощутил текущие слезы. «Разве сердце может плакать само, без тела?» – пронеслось в сознании. «Конечно! – услышал Угрюмый. – Именно сердце источник всего, что исходит от человека! Радость, счастье, горе, плач, смех, доброта, злоба. Всё это рождается в сердце!», – голос был густой, мягкий и тихий. «Кто ты?» – спросил Угрюмый. Ответа не было.

Снайпер видел, как несколько человек в камуфляже со злобной яростью терзают, пинают бездыханное, связанное тело. Это же его тело! «Что со мной?» – подумал Угрюмый. И ответил сам себе – «Я умер!». С этой мыслью вырвался вздох облегчения: «наконец-то все закончилось!». Стало легко и радостно. Он начал подниматься вверх, удаляясь от своего тела, от тяжелой, суетливой земной жизни. Ликование наполняло, вознося к небесам, лучи теплого света грели и при-

тягивали.

Внезапно подъем прекратился. Снайпер остановился, упершись в невидимую преграду. Снова мягкий, густой голос, идущий сверху: «Еще не готов! Пусть служит людям!». Угрюмый посмотрел вверх и увидел очень яркий свет. Он звал и не пускал одновременно. Чувство страха и невыносимой тоски охватило душу. «Почему?» – закричал снайпер. «Найди ответ сам! И будь достоин жизни!» – печально, с любовью, ответил голос. В тот же момент Угрюмый провалился в густую темноту, – снова в трубу, по которой поднимался вверх. Падая, в тоске и страхе горестно кричал: «Не надо-о-о!». Затем сила тяжести огромной земли навалилась на грудь. Вдавила в тело. Вернулась вся полнота болевых ощущений поврежденного организма. Угрюмый сжал челюсти, стараясь не дышать. Чуть приоткрыл заплывшие кровоподтеками глаза. Свет костра резанул, пробиваясь болью ото лба до затылка. Тело нестерпимо ломило и жгло. Голова кружилась, тошнило.

К сидящим у костра подошел человек со знакомыми чертами лица. Что-то сказал. Затем наклонился к снайперу. Угрюмый невероятным усилием воли затаил дыхание. Человек вернулся к костру, заговорил. Снайпер напряг слух. Слов было не разобрать, но Угрюмый все понял – люди у костра решали, что делать с трупом сепаратиста, который скоро начнет разлагаться и вонять. Никто не хотел возиться с мертвым телом. Не сжигать же его здесь! Человек со знако-

мыми чертами лица предложил отвезти труп в серую зону, а там уничтожить в огне или бросить. Все согласились. Теперь решали, кто это исполнит. Смеялись и шутили, словно речь шла о мешке с мусором. Наконец, нашелся боец, согласившийся вывезти и утилизировать мертвеца. Доброволец подошел к Угрюмому. Наклонился, взял подмышки и резко дернул вверх. Сильнейшая боль обожгла тело снайпера, и он потерял сознание.

Очнулся, обнаружив себя в багажнике «Нивы». Двигатель громко гудел. Толчки на ухабах и поворотах отдавались нестерпимой болью. Угрюмый не выдержал и застонал.

– Потерпи, брат! Осталось недолго, – знакомый голос прорвался сквозь шум мотора. Снайпер промычал, преодолевая боль и тошноту. Казалось, эта безумная тряска никогда не закончится.

Машина остановилась внезапно, и Угрюмый снова впал в забытие. Когда очнулся, вокруг было темно. Мерцающий свет от маленького костерка бил в гудящую голову, проникал в мозг через заплывшие, воспаленные глаза. Снайпер сглотнул кровавую слюну.

Сосредоточившись, взглянул через огонь на человека в камуфляже и снайперской панаме, узнал его. «Рико!» – выдохнул или простонал Угрюмый.

– Держись, москалику! Скоро за тобой придут, – спокойно проговорил Рико. – Я позвонил сестре и рассказал про

тебя. Она связалась с вашими. Потом позвонила мне и велела ждать группу Хмурого, – помолчал, вглядываясь в темноту, – так шо чекаем твоих друзей. Только бы не начался минометный обстрел.

Угрюмый чуть пошевелился. Осторожно вздохнул, боясь резкой боли. Терпимо. Тошнота отступила, голова перестала кружиться, только очень болела. Собрав силы, хриплым голосом, спросил:

– Где я?... Как попал в плен?... Я же вроде умер... – бес- сильно замолчал. Рико внимательно посмотрел в темноту, затем на Угрюмого.

– Ты к нашему блокпосту вплотную подошел. Зачем – не знаю! Рядом с тобой, сто двадцатая мина прилетела – тебя и накрыло. Сильная контузия! Удивительно, что осколки все мимо прошли. Лишь спину трошки царапнуло. Ты долго лежал без сознания, а когда очнулся и застонал, то наши услышали и притащили тебя на блокпост. Потом начали «пытать». Я пришел, когда айдаровцы решили, что ты уже труп. Я наклонился и понял, что ты еще живой, а им сказал, что се- пар – мертвец, и предложил утилизировать тело. Айдаровцы дали машину и вот – приехали утилизироваться, – Рико ухмыльнулся, – хорошо, что ты был без оружия и поэтому, они приняли тебя за гражданского. Так шо – сидим здесь и ждем Хмурого. Будут подходить, я исчезну. Вот и все, – Рико замолчал, вглядываясь в темноту.

– Пп-почему тт-ты сс-спас м-меня? – Угрюмый выговаривал слова заикаясь. Рико не ответил. Некоторое время молча смотрели друг другу в глаза. Затем Рико подошел к Угрюмому. Положил клочок бумаги в нагрудный карман. Тихо сказал:

– Здесь номер телефона моей сестры. Через нее, сможешь связаться со мной.

– Зачем мне с тобой связываться?

– Не знаю, – Рико лукаво прищурился, – мы же – православные!

Угрюмый молчал, борясь с болевыми ощущениями.

Со стороны позиций ополченцев затарахтели пулеметы.

Рико встрепенулся:

– Мне пора! Засиделся я тут с тобой, – встал, подошел к Угрюмому и прошептал в самое ухо: – Поправляйся скорее. У нас есть неоплаченные долги!

Глава четвертая

Угрюмый лежал без движения несколько часов и снова подждал Рико. Но сегодня сомнений не было, снайпер был уверен – Рико обязательно появится.

Угрюмый лежал, вспоминая, как провалявшись в госпитале почти два месяца, вернулся в строй, появился в штабе, и Хмурый тут же озадачил:

– В последнее время против нас новый снайпер хулиганит. Норвежец. Похоже – экстремальный турист. А может и цэр-эушник. Пока ты по госпиталям прохлаждался, он тут прилично народу завалил и посеял страх в рядах ополчения. Он судя по всему, опытный стрелок – с приличных дальностей стреляет гад – почти кило двести! С тепловизором работает. Все делает конкретно и без пижонства. Очень скрытно выходит на позицию. Всегда оборудует несколько ложных. Делает один выстрел и уходит. Его еще ни разу не обнаружили! Даже «лежку» не находили! Прямо мистика какая-то! – Хмурый развел руками, – говорят, что вторым номером у него – твой кровник Рико. Он оказывается живой, а завалил ты – его молодого напарника, – командир разведчиков хлопнул снайпера по плечу, – давай, братишка, погружайся в работу. Зайдешь к Самураю. Получишь новую винтовку производства «Лобаев армс». В триста тридцать восьмом калибре. Патронов под нее собрали, так что будет чем Норвегу отве-

тить! – Хмурый подмигнул.

– За винтовку спасибо! – Угрюмый слегка потер руки, попрощался с командиром разведчиков, отказался от напарника и вышел из штаба.

Несколько дней Угрюмый лазил по передку и выходил в серую зону. Разговаривал с бойцами, командирами, гражданскими. Ничего путного. Даже направление, с которого делал выстрел норвежец, не могли точно показать. Истории о снайпере-призраке ходили невероятные: рассказывали, что однажды ночью, в полной темноте он убил ополченца попаданием в голову. А стрелял – то – с семисот метров! Как они определили расстояние? Неизвестно. Еще рассказывали, что Норвег, будто бы стрелял из посадки через поле и попал в сердце бойцу минометного расчета. А там расстояние – больше километра! Кто видел? Все! Откуда именно стрелял? Из посадок! Место показать можете? Уже нет! В общем, настроение у всех было подавленное. Угрюмый слушал, вздыхал, немного сердился на отсутствие конкретных объяснений, но продолжал упорно искать хоть какую-то зацепку.

Как-то придя в свою каморку в расположении разведчиков, снайпер стал раздеваться, а из нагрудного кармана выпал маленький, сложенный квадратиком листок бумаги. Снайпер развернул его. Увидел номер телефона, написанный карандашом и приписку: «моя сестра Тома». Угрюмый застыл в задумчивости. Сознание вспыхнуло, осветив про-

шлые события, вернуло к развалинам в «серой зоне».

Теперь все увиделось как в кино. До этого момента Угрюмый не помнил, своё попадание в плен и освобождение. Память заканчивалась на том моменте, когда снайпер подползал к украинскому блокпосту. Дальнейшие события – тёмный провал. Ребята рассказывали, что якобы Угрюмый был в плену или подорвался на mine в «автономке». Всё остальное неизвестно. Потом, в штаб пришла женщина и сказала, что средний сын лазил по «серой зоне» и наткнулся на раненого. По ее ориентирам, Хмурый отправил поисковую группу. Угрюмого нашли в бессознательном состоянии. Снайпер стонал и в бреду бормотал о том, что жизнь нужно заслужить, а когда очнулся, то сказал, что был в плену, но подробностей не помнит.

Сейчас память, яркой молнией пробилла толщину темноты и сверкнула в сознании Угрюмого чёткой картинкой, в мельчайших подробностях восстановив бывшее. Все события, слова, мысли, чувства вернулись. Даже тот невероятный выход из тела и разговор с кем-то невидимым, вспомнился, словно был вчера.

Угрюмый сел на табурет держа записку в задрожавшей руке. Вытер вспотевший лоб и надолго задумался. Жизнь преподнесла еще один сюрприз. Угрюмый нахмурился, принял решение, встал, достал из тумбочки телефон, включил. Подождал, когда загрузится, набрал написанный на листке но-

мер. Сестра Рико почти сразу ответила:

– Алло!

– Здравствуйте! Это Николай, который...

– Я поняла!

– Можем встретиться?

– Через, минут пятнадцать. Я буду гулять с малышом около «Львовской кофейни».

– Добро, – Угрюмый убрал телефон и вышел из расположения, направляясь к центру Донецка.

Встретились на полдороге. Тамара оставила коляску и радостно обняла Угрюмого.

– Ты чего? – он почувствовал себя неловко.

– Да ты, Микола, мне родней родного! – вытерла слезы женщина. – Я в честь тебя младшего назвала! Ты же нас всех спас!

– Это не я спас, а святой Николай! – Угрюмый разводил руками. – И брат твой помог!

– Да, – тут Тамара нахмурилась, – жаль, что он укроп!

– Как твои муж и старший сын? Где Василь? – снайпер перевел разговор.

– Муж дома – отпустили отдохнуть. Старший в Горловке служит. А Василь у Гали.

– Это кто? – снова спросил Угрюмый. Тамара поднесла платок к глазам:

– Галя? Так это жена его... этого укропа! – Угрюмый мол-

ча удивился. Затем аккуратно взял Тамару за локоть и тихо сказал:

– Скажи Рико, что я буду ждать его послезавтра там, где завалил Кабана. Поняла?

Тамара кивнула.

– Повтори! – сказал Угрюмый.

– Там, где завалили Кабана, – эхом откликнулась женщина, – послезавтра. А время? – она быстро взглянула на снайпера.

– Не важно! – на том и расстались.

Теперь Угрюмый, как затаившийся зверь настороженно лежал, каждой клеточкой своего тела ощущая окружающую его среду. Прислушиваясь, приюхиваясь, рассчитывая и размышляя. Снайпер ждал снайпера. Он не знал, что случится потом, какой будет встреча и чем она закончится. Все было непредсказуемо. Только в том, что Рико придет, Угрюмый не сомневался.

Глава пятая

Тихий, шуршащий звук донесся сзади. Снайпер замер, вжавшись в землю и превратился в слух. Даже дышать стал тише, удлиняя беззвучный выдох. Нужно унять возбужденное адреналином сердце, забившееся часто и громко.

Прошло несколько минут. Звук приблизился. Отчетливо слышны движения ползущего человека. Опыт и чутье подсказывали – расстояние сократилось метров до трех. Угрюмый слился со средой. Обнаружить его можно было только наткнувшись, или тепловизором. По запаху? Но люди их слабо различают. Снайпер лежал на животе, левым ухом к земле. Ползущий двигался в метре от Угрюмого. Что-то знакомое в облике. Да – это Рико! Он внезапно остановился рядом и медленно повернул голову.

Поискал глазами и нашёл Угрюмого. Теперь оба лежали, упершись глаза в глаза. В зрачках Рико читалось удивление – не ожидал!

Звуки осторожных шагов нарушили паузу. Рико медленно подмигнул. Угрюмый ответил тем же. Оба не шевелились. Вблизи, тихо ступая, прошли двое. Угрюмый заметил размытые масхалатами фигуры. Оценил, как пара снайперов продвигаясь по своей территории, соблюдала предельную осторожность. Они часто останавливались для оценки обстановки, замирали, прислушиваясь, общались жестами. Угрюмый

вопросительно приподнял брови, глядя на Рико. Тот медленно, утвердительно моргнул и стало понятно – это были Норвег и его напарник.

Они скрылись, но еще около получаса снайперы лежали без движения, глядя друг другу в глаза. Потом Рико тихо, но отчетливо прошептал: «Вперед десять метров – широкий куст. Стрелять лучше оттуда». Угрюмый медленно кивнул. Повернул голову, плавно двинулся в указанном направлении. Рико следовал за ним. Пока Угрюмый полз, ворох мыслей и вопросов крутился в его сознании. Рико как будто все знал заранее. Может он это спланировал заранее и сам рекомендовал Норвегу такой маршрут отхода? Но зачем? Чтобы навести на Угрюмого? Почему? Угрюмый терялся в догадках. Рико – странный враг!

Вот и кусты. Дальше зеленка заканчивалась и открывалось поле. За ним хорошо просматривалась внутренняя часть блокпоста ВСУ. Сейчас Норвег с напарником сидели, раздевшись по пояс, на краю блокпоста полностью открытые взору снайперов.

– Дальность – пятьсот двадцать четыре, – прорвался сквозь шум мыслей, листвы и гудения мух, тихий шепот Рико, – лицом к тебе – Норвег. Второй номер – его младший брат, – Угрюмый слушал, отстраивая параллакс прицела. Резкость улучшилась. Угрюмый увеличил кратность, вгляделся.

Норвег сидел, скрестив ноги по-турецки, ел консервы и

улыбался, поворачивая голову к брату. Тот увлеченно рассказывал, сильно жестикулируя. В позах снайперов читалось расслабление. Угрюмый крутанул барабанчик вертикальных поправок.

– Там ветер – слева, – шептал Рико, – скорость метра полтора;

– Почему ты помогаешь?

– Потому, что это моя война! Норвегии она не касается! Тем более они не стоят тех денег, что им платят! – Рико вздохнул и продолжил: – Мы сами – не хуже стреляем!

– Так все из-за денег... – Угрюмый почему-то не был удивлен.

– И деньги тоже, – Рико помолчал. – Ты убил моего второго номера. Он был мне как брат. Я убил твоего напарника. Причем тут Норвег? Это наша с тобой война! – Рико затих, внимательно глядя в прицел, затем быстро сказал: – Сейчас хорошие условия. Давай! Огонь!

Угрюмый потянул спусковую скобу. Винтовка чуть откатилась. Звук, измененный глушителем, рассеялся в воздухе. Угрюмый быстро дослал второй патрон. В прицеле мелькнуло застывшее в удивлении лицо напарника Норвега. Угрюмый снова выстрелил, поглотил отдачу, дослал патрон и услышал восхищенный голос Рико:

– Готовы – оба! Дюже гарный выстрел! Супер! – Угрюмый ловким движением кисти подобрал стреляные гильзы и застыл, наблюдая в прицел. На блокпосту возникла суета. За-

тарактели автоматы и пулеметы. В поле с присвистом вжикали пули. Рядом срезало кусты.

– Чекаем минут тридцать, – спокойно сказал Рико, – блокпост тыловой – тепловизоров и минометов нет. Грамотных офицеров тоже нет. В зеленку не пойдут – боятся. Минут через сорок я выйду к ним. Скажу, что стрелял ты. Уходи как можно быстрее. У тебя будет час-полтора. Потом, я соберу поисковый отряд и пойду за тобой. Найду – убью! – Рико засмеялся, глядя в глаза Угрюмому. Тот ответил:

– Так убей сейчас... к чему весь этот театр? Я – в твоей власти.

– Так неинтересно! – Рико ухмыльнулся. – Ты охотник и я охотник!

– Я солдат, а не охотник. Беззащитных животных не убиваю, – Угрюмый внимательно смотрел на Рико, который продолжая ухмыляться, брезгливо скривился и проговорил:

– От брэхун! Ты такой же охотник как я! Или этот – уже покойный – Норвег. Только охотимся мы – на людей! А суть та же – найти, выследить... сесть в засаду, приманить... и убить первым выстрелом. Вот и вся наша романтика!

– У нас мотивы и цели разные! – Угрюмый спокойно смотрел на Рико, готовый ко всему.

– Мотив наш – жажда убийства! Восторг от попадания в сердце первым выстрелом! – продолжил тот. – Какой гуманизм? Какая доброта? Придумали! А по факту все одно – убийство! – Рико разошелся, начав говорить почти в голос, –

Ты вот зачем на войну приперся? Ты совсем старый для боевой работы, а всё лезешь в пекло – почему? – Угрюмый молчал. Рико твердо, с нажимом, с какой-то уничижительной нотой проговорил, – Молчишь? А я знаю ответ, – вытер пот со лба, – тебе любая война по душе! Потому что ты больше ничего не умеешь – только убивать. Ты разрушитель! А чтобы оправдать убийство придумываются всякие благородные мотивы – «интернациональный долг», «помощь братскому народу», «антитеррористическая операция», «освободительная война»! А на самом деле всё это – узаконенное убийство! И движет нами любовь к этому делу. Мы многим жертвуем ради войны. Особенно своей жизнью. И для чего? Ради удовлетворения страсти – азарта охотника. Даже фразу придумали в оправдание – «Кто-то ведь должен делать эту работу!». Кто-то! Но почему именно мы? Ведь никто не заставляет нас и не обязывает! Мы называем себя православными, молимся одному Богу. Просим помощи у одних и тех же святых. А Бог наш сказал: «Не убий!». Но мы охотимся друг на друга, как зверь на зверя! – Рико замолчал, восстанавливая дыхание. Угрюмый внимательно следил за его движениями. Недолго помолчал, затем спросил тихо:

– Вывод то какой? Что дальше?

Рико ухмыльнулся, глянул с вызовом и повернулся спиной, глядя на блокпост. Прошло минут десять. Стрельба и беготня на блокпосту прекратились.

– Всё, пора. Уходи! И помни всегда, что ты – моя добы-

ча! – Рико криво

усмехнулся, – У тебя час! Потом, я иду на охоту! – он встал, вышел из кустов и не оглядываясь, спокойно двинулся через поле.

– Странный ты! – задумчиво сказал Угрюмый, собираясь к отходу. – Впрочем, все мы тут – странные...

Глава шестая

Угрюмый быстро, почти бегом, пренебрегая осторожностью, успел добраться до «серой зоны». Нашел хорошую позицию среди развалин брошенной деревни, оборудовал ложную позицию, а сам перебрался метров на двадцать правее. Застыл в ожидании.

Через некоторое время, на разорванной артиллерией деревенской дороге, показался УАЗ «Буханка». Следом, бронированная «Нива» с пулеметом на крыше. На бортах уазика трафареты: «Слава Украине!» и «Героям Слава!». Солнце тихо садилось позади снайпера, ярко горя красно-желтым диском. Наступала предзакатная пора, когда смолкают птицы, перестает метаться ветер, затихает гудение назойливых мух и все звуки становятся отчетливо слышны. Надсадный рев моторов громил, разрывая, тихий мир засыпающей природы.

Угрюмый навел прицел на УАЗ «Буханка». До машин было метров четыреста. Сквозь лобовое стекло просматривалось бородатое лицо водителя. Рядом сидел Рико. Угрюмый сосредоточился. Вдохнул. Плавно, протяжно выдохнул, одновременно щелкая барабанчиком вертикальных поправок и считая клики. «Буханка» медленно двигалась прямо на снайпера. В кабине улыбался Рико, слушая рассказ водителя. Угрюмый моргнул, выдохнул, и время, затормозилось.

Превратилось в густую, плотную, вялотекущую массу. Все звуки слились в низкий, протяжный гул. Сердце стихло, перестав ощущаться. Только глаз, совмещенный с сеткой прицела, и тянущее напряжение в указательном пальце, существовали в сознании. Интуитивно, снайпер предчувствовал радость точного попадания. Спокойная уверенность двигала палец выжимая спусковую скобу... но тут... что-то произошло, и лицо Рико вдруг перекошил страх. Он метнулся к двери, открывая ее на ходу. Для находящегося вне времени Угрюмого это выглядело как неторопливое, медленное действие. Снайпер перевел оружие на водителя и выжал спуск. Перезарядился, выстрелил в радиатор машины, подобрал гильзы и быстро зачехлил винтовку в рюкзак. Время с грохотом и жаром вернулось. Угрюмый быстро сменил позицию. Он знал, что Рико успел выпрыгнуть из машины еще до того, как пуля, пробив стекло, вонзилась в грудь водителя и, вместе с сердцем разорвалась на куски. Уазик, резко вильнул влево, ткнулся в полуразрушенный каменный забор и остановился, задымив парами пробитого радиатора. «Нива» скакнула вправо под прикрытие полуразрушенной стены. Из машины выпрыгивали «айдаровцы». Они разбежались, разворачиваясь в цепь и залегли, стреляя длинными очередями. С крыши броневика ударил пулемет. Кинжальный огонь обрушился на оборудованную Угрюмым ложную позицию. В общей суете снайпер накинул рюкзак и побежал, прикрываясь развалинами домов в спасительную зеленку. Однако

шансов уйти практически не было. За остатками поселка и посадками лежало открытое пространство протяженностью около двухсот метров. Преодолеть его не подстреленным, представлялось совершенно невозможным, но именно здесь – единственный путь отхода.

И Угрюмый рванул. Бежал не оглядываясь, петляя как заяц. Он согнулся, стараясь уменьшить силуэт и слышал, а порой и ощущал, близко летящие пули, чувствовал холодное, страшное дыхание смерти. Тело, привычное к опасностям, двигалось, включив рефлекс выживания.

Вновь время потеряло власть над миром. Только призрачная надежда, жажда жизни и неумолимая смерть имели значение. Он бежал и бежал...

Внезапно, со стороны спасительной зеленки по преследователям заработал пулемет. Зазвучало несколько автоматов. Угрюмый, попав под перекрестный огонь, упал и пополз. Над головой кипел бой. Снайпер двигался по-пластунски с невероятной для себя скоростью, на пределе сил. В висках, тяжелыми, болезненными толчками пульсировала кровь, дыхание рвало грудь, степная пыль забивала рот и нос, но он не замечал этого. Надежда на спасение, столь возросшая с началом встречного боя, ускоряла, толкала вперед. Угрюмый полз, пытая как паровоз, поднимая столбы пыли и не думая о скрытности – просто спасался. Еще метр, еще...

Стрельба вдруг прекратилась. Снайпер свалился в зеленку. Достижение цели оглушило его, навалившись усталостью

и обильным потом залив глаза. Угрюмый лежал, отдыхая, радовался жизни, ни о чем не думая, просто ощущая запахи и звуки. Он чувствовал мягкую сухость Донбасской земли, вдыхая аромат вечерней зеленки и смотрел как, солнце уходит за горизонт.

Небо темнело. Угрюмый ощутил беспокойство от чужого присутствия и чуть приподнял голову. Рядом сидел на корточках боец в ополченской горке.

– Ты кто? – тихо спросил он, внимательно глядя на снайпера.

– Угрюмый. А ты кто?

– Мой позывной Шахтер.

– О как! Уже троих знаю с таким позывным. Ты – четвертый. А сколько их у укропов...

– Так у нас весь Донбасс – «Шахтеры»! – боец спокойно улыбнулся. Участливо спросил: – Ты как? Не ранен?

– В порядке! – Угрюмый снял рюкзак и сел: – А ты с кем здесь?

– С Хмурым. Вышли кое-что проверить.

– С Хмурым? Я вроде всех его бойцов знаю... кроме тебя.

– Так я несколько дней всего у него! Перевели после отпуска.

– А имя твое как?

– Александр... можно Шурик! – боец полез в карман. – Закурим?

– Не курю! Да и тебе лучше воздержаться. Мы еще не

на своей территории, – спокойно ответил снайпер. На хруст веток, оба повернулись. Из тени деревьев вышел Хмурый с бойцами. Снайпер и командир разведчиков по-братски, обнялись. Хмурый хлопнул Угрюмого по плечу: – Давай, брат, двигайся, надо скорее уходить, пока к ворогам подкрепление не подошло! – Снайпер надел рюкзак. Группа, соблюдая осторожность, выдвинулась в сторону расположения корпуса ДНР.

Прошло несколько дней. Угрюмый прибыл в штаб по вызову командира разведчиков. Хмурый ходил по комнате в задумчивости, ухватившись за сильно небритый подбородок.

– А-а-а – охотник на норвежских хищников! Заходи!

– О-тож, – ответил снайпер, внутренне напрягшись на слово «охотник».

– Значит так, брат, – перешел на серьезный тон Хмурый, – пришла информация о прибытии на передок американского инструктора. Скорее всего уже сегодня, он будет на известном тебе блокпосту. Рядом с дальним НП. Ты лучше всех знаешь этот район, ориентиры и пути отхода. Возьмёшь в прикрытие Шахтера – Шурика, который встретил тебя в зелёнке.

– Но... – начал было Угрюмый.

– Никаких – но! Шурик опытный боец. Воюет с самого начала. На рожон не лезет, не болтун. Взрослый семейный человек. Психически уравновешенный, морально устойчивый... ну и к тому же, сам пойми – к тебе в напарники – мало

желающих. А Шурик сам попросился на это задание, – Хмурый сделал паузу, внимательно глядя на снайпера. Тот молчал, прислушиваясь к ощущениям внутри себя. Командир разведчиков продолжил, – Шахтер дойдет с тобою до дальнего НП. Оттуда очень хорошо просматривается блокпост. Мне нужно подтверждение информации об американце. Ты ведь знаешь некоторых наших «суперразведчиков», которые в каждом нарядном укреплении видят иностранца. Тебе я больше доверяю. Да. Ну а если решишь стрелять, тебе всё равно понадобится наблюдатель и связь, для координации со мной, а тут и Шурик пригодится. Подойди к блокпосту поближе, а там уж, – Хмурый развёл руками, – действуй по обстановке! Задача ясна? – Угрюмый кивнул, – Вопросы?

– Когда выдвигаться?

– Как всегда – вчера! – серьезно пошутил Хмурый.

На дальний НП Угрюмый и Шахтер пробрались глубокой ночью. Молчали все время пути. Только перед выходом, когда снайпер инструктировал Шурика, обменялись вопросами и ответами по делу. Шахтер, по складу характера был немногословен. Всё общение состояло в том, что Шурик смотрел своими внимательными глазами на Угрюмого и в них читалось большое уважение. Шахтер слушал объяснения и кивал, двигая широкими как лопата, ладонями с чёрными мозолями. Беспричинно улыбался, лучась добрыми карими глазами. Угрюмому вдруг стало до кома в горе жалко и тоскливо от того, что простые, искренние работяги,

далекие от любой агрессии, совершенно мирные семейные мужики вынуждены брать в руки оружие, чтобы отстаивать свое право на жизнь, погибать и убивать своих, таких же, только обезумевших.

По прибытии на НП, Угрюмый легонько хлопнул Шурика по плечу. Показал место для скрытного наблюдения. Тот кивнул и стал устанавливать зрительную трубу.

Через несколько часов рассвело. Угрюмый наблюдал за блокпостом с позиции в развалинах дома, находясь под защитой остатков стен, метрах в семидесяти от НП. На самом НП, спрятавшись под маскировочной сеткой, обосновался, глядя в трубу, Шурик. Прошло некоторое время и Угрюмый стал ощущать сильное беспокойство. Он взглянул на НП и понял причину. Во-первых, Шахтер сменил позицию для наблюдения на более удобную для себя, но стал досягаем для вражеских тепловизоров. Во-вторых, Шурик постоянно нарушал маскировку, двигая руками и вертя головой. Угрюмый внутренне подобрался, взглянул на блокпост.

Там шла своя жизнь. Особой бдительности или усиления мер безопасности не наблюдалось. Часам к одиннадцати утра стало понятно, что информация о визите американского инструктора, скорее всего, плод воображения впечатлительного разведчика или дезинформация. Если это деза, то для чего? Чтобы спровоцировать нападение? Или...

Жужжание пули тяжелого калибра и громкий хлопок винтовочного выстрела, прилетели справа – из вражеской зелен-

ки. Это в шестистах метрах от НП. Выстрел застал врасплох снайпера, он внутренне вздрогнул и как-то сразу понял происходящее, осознал, что вся эта история с американским инструктором – приманка. Дезинформация с целью выманить именно его на этот дальний НП. Скорее всего это задумка Рико и теперь, этот... нашел тепловизором неопытного в снайперских делах Шурика... Результат можно не проверять – он понятен. Угрюмый стиснул зубы, уперся лбом в землю и что-то прорычал в бессильной ярости. Какой просчёт! Какая роковая ошибка! Его- то позиция, была подготовлена с учетом использования врагом тепловизионных приборов. И на НП есть такая. Как раз та, на которую снайпер посадил Шахтера. Но тот ушел на более удобную. Эх, Шурик, Шурик... сердце наполнилось противной, слезливой тоской. Он вдруг ощутил печаль, предвидя тяжелое, безысходное горе семьи Шахтера. Угрюмый стиснул кулаки, выжимая ненужные меланхолические чувства, заменяя их холодной и расчетливой ненавистью. Вдохнул глубоко и сильно, медленно, с расслаблением, выдохнул. Освободился от мятущихся мыслей, успокоил гулко и часто стучащее сердце. Сознание прояснилось. Снайпер плавно повернулся и взглянул на НП. Шахтера не увидел. Подавив желание проверить НП, снайпер остался на месте. Надолго – почти на всю ночь.

Под утро Угрюмый притащил убитого Шахтера к своим. Вызвали Хмурого. Снайпер все подробно доложил командиру. Добавил свои предположения о цели дезинформации.

Хмурый кивнул, соглашаясь. Обещал проверить свои источники информации. Пряча глаза, попросил доставить тело покойного в Донецкий госпиталь. Снайпер согласился.

Прибыв в госпиталь и соблюдая все формальности, Угрюмый собрался уже возвращаться в расположение, как встретил знакомого доктора. Разговорились. Снайпер задержался в госпитале часа на два. Пили чай в ординаторской, когда вошел молодой, слегка побледневший доктор, принимавший тело Шахтера, и сказал:

– Там пришла жена погибшего бойца. Задает вопросы, спрашивает о подробностях, а я впервые в такой ситуации! Не знаю, как себя вести. Что отвечать? Она сильно плачет! Помогите, пожалуйста! Может, кто-то к ней выйдет поговорит, успокоит? – Угрюмый молча поднялся. В коридоре, навстречу шагнула женщина. Угрюмый замер:

– Тамара?!

– Миколай! Угрюмый! Как же это... – и сестра Рико, рыдая, бросилась на грудь снайпера. Тот неловко приобнял ее, как-то сразу окаменев внутри, погладил растрепанные волосы женщины и смущенно забормотал: – Тома, что поделаешь – война! Надо перетерпеть, – но Тамара не слушала его, зайдясь в рыданиях. В голове Угрюмого внезапно закрутилась фраза, сказанная Рико: «Мы, многим жертвуем ради войны!».

Глава седьмая

Мокрое тело замерзло без движения. Угрюмый знал, что через некоторое время начнет бить озноб, руки перестанут слушаться, а мысли разбегутся, внеся хаос в действия. Реакция замедлится, появится сильное желание встать, размяться движением. Постепенно потребность согреться горячими питьем или едой овладевала сознанием. Холод сковывал волю, предлагая сдаться и уйти в комфортные условия. Снайпер еле держался. Почти трое суток, он лежал, не меняя позы, стараясь соблюдать неподвижность. Очень мало пил и совсем не ел. Спал короткими, тревожными провалами. Терпение и желание жить неуклонно истощались, но снайпер не сдавался. Он поджидал Рико.

Целый месяц, Хмурый аккуратно, по частям, вкрапляя реальные данные, переправлял на сторону ВСУ искусно подготовленную дезинформацию, в надежде привлечь к ней внимание Рико. Наконец, за несколько дней до выхода Угрюмого в засаду, пришло подтверждение, что вражеский снайпер поверил в дезу и планирует вдвинуться в нужный район – туда, где его будет поджидать Угрюмый. Конечно, Рико мог прибыть с прикрытием, огневой и технической поддержкой, подготовленный к разным неожиданностям. Но это было не важно. Главное, чтобы Рико – вышел на охоту, а в азарте противника, Угрюмый не сомневался.

Снайпер снарядил дозвуковые патроны для своей новой винтовки. Навернул на ствол финский глушитель. Некоторое время назад скрытно сходил в Авдеевскую промзону. Там подготовил несколько огневых позиций. В «промке» война не прекращалась никогда. Даже в сложный период так называемой «тишины».

Сейчас, Угрюмый лежал на втором этаже, в глубине комнаты, среди куч промышленного мусора перед наполовину разбитой стеной. Снайпер хорошо знал и ощущал теперь, разницу между лежанием на земле и на бетоне. Бетон – температурный «вампир». Он быстро забирает тепло из тела. Даже добротный, пенополиуретановый коврик не спасает от остывания. Тем более в эти дождливые, осенние дни. Крыши над позиции не было. Печальное Донецкое небо плакало дождем, роняя капли на снайпера.

Угрюмый вздрогнул и несколько раз моргнул, стряхивая наваждение. В проеме двери разрушенного цеха показался благообразный старичок с седой бородой и в странной одежде, похожей на церковную. Дедушка кивал головой и что-то говорил, крестил снайпера и показывал рукой в сторону ангара, находящегося метрах в четырехстах. Снайпер закрыл глаза. Опустил голову и уперся лбом в холодный, мокрый бетонный пол. Медленно выдохнул и снова посмотрел в окуляр прицела. Видение исчезло. Угрюмый ухмыльнулся. Неожиданно, внутри что-то щелкнуло и ощущение опасности холодом отдалось в животе.

В окуляре прицела мелькнуло движение. И как раз там – возле ангара, куда показывал привидевшийся дедушка. Снайпер метр за метром, не спеша, осматривал территорию, ощупывал взглядом каждый кирпичик, отверстие, проем, бетонный блок, каждую кучу мусора. Что-то привлекло его взгляд. Стоп! Есть! Вражеский боец выглянул из-за бетонной плиты. Наблюдает. Угрюмый немного повел винтовкой. Ага! Вот и второй! Делает знаки из пролома в стене. Третий, неопытный, вышел из-за угла на полкорпуса. Осматривается, резко поворачивая голову. Так-так! А где же сам Рико? Угрюмый продолжил осматривать пространство развалин возле ангара. Нашел еще троих, но ни один из них не был похож на Рико. Снайпер ощутил беспокойство. Зачем столько бойцов в обеспечении? Может на дезу среагировали сверху, в штабе ВСУ? И теперь это уже не просто охота, а спецоперация по ликвидации снайпера противника? Их ответ на уничтожение норвегов? Угрюмый размышлял, стараясь не терять контроля над обстановкой. Ощущение большой опасности охватило его. Слишком много вопросов. Через некоторое время, обнаружил еще двоих. Эти – гранатометчики. Один со «Шмелем». Та-ак! То есть все-таки – спецоперация! Значит, минометы уже приведены и артиллерия на подхвате. Тогда шансов совсем мало! Угрюмый быстро принял решение и, дослав патрон, прицелился в гранатометчика. Щелк! Псс-т! Цель поражена! Клац-клац! Пауза. Теперь этот со «Шмелем»! Щелк! Псс-т! Готов! Снайпер ра-

ботал как робот: дослал, прицелился, выстрелил, открыл затвор, поймал гильзу, дослал патрон, прицелился, выстрелил, и цикл повторился. Когда целился в пятого, горячая волна от близко пролетевшей пули обожгла левый висок. Следом прилетел звук выстрела. Угрюмый быстро сдернул винтовку к себе. Обхватил ее. Ловким, отработанным движением, перекатился под защиту несущей бетонной стены. Осторожно скользя по полу, высунул руку. Схватил край снайперского коврика. Втянул вместе с рюкзаком в укрытие. Снаружи затарахтели пулемет и два автомата. Пули ударили в стену, осыпая каменной крошкой. Они прилетали туда, где раньше лежал Угрюмый. Да-а! Надо уходить! Сейчас наведут минометы или артиллерию, дадут один-два залпа и конец! И похоронят Угрюмого под бетонными развалинами, или разорвут на мелкие кусочки. Тогда и останков не сыскать. Угрюмый сместился на позицию этажом ниже. Перебрал варианты отхода. Их было несколько. Не торопливо размышлял о выстреле, сделанном по нему. Ясно, что враг работал с тепловизором. Без сомнения, стрелял Рико. И цель нашел с помощью прибора. Выждал, учел условия, поймал ветер и выстрелил. Но почему-то промахнулся! Направление звука выстрела и боевой опыт, позволяли приблизительно определил вероятную позицию стрелявшего. Скорее всего, она была недалеко. Где-то метрах в пятистах. На третьем этаже фабричного дома.

Почему же Рико промахнулся? Да для него пятьсот мет-

ров – ерунда! Тем более – триста тридцать восьмым калибром! Да не спеша! И цель снизу как на ладони! Угрюмый молча хмыкнул от пришедшей догадки. Просто этот Рико – нервный пижон! Позавидовал ювелирному выстрелу Угрюмого в Норвега и решил попасть в голову! Вот и промахнулся! Слишком сильно хотел доказать, что он лучший, здесь и причина промах.!

Угрюмый вспомнил, что после похорон Шахтера попросил Тамару позвонить брату. Подробно рассказать, как был убит Шурик. Все обстоятельства гибели. Тома говорила, что Шахтер и Рико до войны были очень близки. Она позвонила брату. Объяснилась с ним. Потом передала трубку Угрюмому. Он после краткого приветствия сказал ошарашенному Рико:

– Брат! Война – не охота! И не спортивные состязания! Война – это потери близких! И чем дольше идет война, тем больше горя! Может остановимся?

– Не учи меня! – агрессивно буркнул Рико.

– Я не учу тебя, брат! Делюсь опытом. Печальным опытом. Я слишком долго воюю!

– Гордый брэхун! Тебе недолго осталось небо коптить! – голос Рико был гневным. Ситуация с Шуриком, его сильно разозлила. Виноватым был назначен Угрюмый.

– Ты специально подставил Сашка, чтобы меня вычислить, – Рико почти рычал.

– Ты упрямый и глупый, – Угрюмый сделал паузу, слу-

шая злобное сопение в ответ. Затем примирительно сказал: – Ладно, остынь! До встречи!

– Это будет твой последний день! – Рико нажал отбой.

Снайпер отложил воспоминания и вернулся в реальность. Быстро двинулся вдоль стены, скрытый от тепловизора толстым слоем бетона. Ещё немного... пару метров, лёгкий прыжок и Угрюмый выбрался из здания. В тот же момент, туда прилетел стопятидесятимиллиметровый снаряд. Сильный грохот ударил по ушам и голове, встряхивая внутренности.

Снаряд попал точно в снайперскую лежку. Угрюмый оценил слаженность и точность действий противника: «Хорошо гады работают!». То, что удалось подстрелить пятерых – просто повезло! Могло быть хуже! Угрюмый добрался до запасной огневой позиции. Пытаясь спрятаться от тепловизора, наблюдал из глубины комнаты заводоуправления через мокрую маскировочную сеть, но надежды было мало.

Вскоре, Угрюмый обнаружил оставшихся противников. Их было трое. Они осторожно, слаженно стреляя, подходили к развалинам, для зачистки. Но не они интересовали снайпера. Угрюмый искал Рико. Внимательно осматривал подстанцию, но было плохо видно. Угрюмый решил сменить позицию и осторожно выбрался из здания.

В это время к ангару подлетели два камуфлированных «Хаммера». Резко затормозили. Двери открылись, и из машин выпрыгнули пятеро бойцов нацгвардии Украины.

Угрюмый, затаился в развалинах между бетонными плитами. Наблюдал. Один из бойцов что-то сказал в рацию. Через минуту в место, откуда Угрюмый стрелял ранее, прилетело еще три снаряда. Когда пыльный туман взрывов рассеялся, стало понятно, что основная и запасная огневые позиции снайпера похоронены под обломками полностью разрушенного здания. Угрюмый вздохнул: «Вовремя ушел!».

Прибывшие бойцы быстро и слаженно погрузили в «Хаммеры» убитых товарищей, подобрали живых, рванули с места и укатили к позициям ВСУ. Все произошло минуты за две!

Угрюмый лежал в укрытии, пытаясь понять, почему операция завершилась без поиска тела, потом вернулся к вопросу – где же Рико? Чтобы ответить, нужно приблизиться к ангару. Угрюмый сместился вправо и скатился в глубокую воронку. На дне зияла широкая бетонная труба, сквозившая зловонием. Снайпер протиснулся в отверстие и опустился внутрь. Тошнотворный запах гниения ударил в нос, кружа голову. «Канализационный сток!» – мелькнула мысль. Постоял, справляясь с неприятными ощущениями и осматриваясь. Диаметр трубы позволял идти только сильно согнувшись. Хлюпая и чавкая вонючей жижей, снайпер двинулся вперед. Пройдя шагов триста, остановился перед металлической лесенкой. Медленно поднялся к открытому люку колодца и, осторожно высунувшись наружу, осмотрелся. Он оказался возле ангара. Вылез из колодца и бесшумно запрыгнул

в проем соседнего здания, постоял, прислушиваясь. Тишина. Только в висках громко пульсирует кровь слышен легкий шум в ушах – результат пережитых контузий. Осторожно ступая, чтобы не шуметь, Угрюмый внимательно оглядывал пол, засыпанный битым камнем и стеклом. Прислушиваясь и принюхиваясь, поднялся по ступенькам до третьего этажа. Остановился. Медленно-медленно высунулся из-за угла, посмотрел через комнату. Внешняя стена была полностью разрушена. Снайпер обвел взглядом открывшуюся для обозрения часть промзоны. А-а, вот и ты!

Примерно в ста пятидесяти метрах, от Угрюмого, на плоской крыше подстанции лежал Рико. Он оборудовал позицию среди обломков надстройки, аккуратно сложив нишу из кирпича. Прильнул к прицелу с тепловизионной насадкой, Рико искал, плавно ведя ствол винтовки. Угрюмый теперь, находясь выше и несколько позади противника, видел его как на ладони. Не торопясь снял рюкзак, расчехлил и приготовил винтовку, нашел удобную позицию, настроил прицел, дослал патрон, тщательно прицелился. Всё Рико – пришло возмездие! Божья кара!

Плавно потянул спуск... что такое? Перед целью, закрывая ее собой встал старичок, появившийся из ниоткуда. Тот самый – благообразный, который привиделся ранее. От неожиданности снайпер замер. Убрал палец со спусковой скобы. Что за наваждение? Досада создала напряжение в груди. Угрюмый поморгал. Встряхнул головой. Щипнул себя за

мочку уха. Не помогало. Тогда он уперся лбом в холодный сырой бетон. Подышал успокаиваясь. Поднял голову – де-душка не исчезал. Он стоял, отрицательно качал головой, губы его шевелились. Снайпер всматривался, пытаясь по артикуляции понять слова... и тут – неожиданно, внутри него, то ли в голове, то ли в сердце, зазвучал тихий баритон: «Не убивай брата своего! Он не ведает, что творит! Милосердие выше любого закона! Прости его!». Угрюмый оцепенел пораженный. Что это? Что за бред? Помутнение рассудка? Какое милосердие, когда кругом война? Какой он мне брат? Заерзал в раздражении. Но старичок не унимался: «Не убивай брата своего – смилуйся!». Голос звучал внутри. Тихие просительные нотки, размягчали... захотелось бросить оружие, обхватить голову руками и заплакать. Странная, ласковая теплота разливалась из сердца по всему телу, расслабляла, путала мысли, вызывала воспоминания из детства...

Угрюмый шумно вздохнул, сжал челюсти. Сглотнул образовавшийся в горле комок, напряг волю, выругался: «Твою же...». Сплюнул и вернулся в свое обычное, сосредоточенное на войне состояние. Взглянул в прицел – старичок исчез. Снайпер улыбнулся, наводя перекрестье на Рики и ... опять мысли спутались! Гнусное чувство жалости, кольнуло сердце, и всякая ерунда полезла в голову... Угрюмый вздохнул и понял, что не убьет своего противника. Во всяком случае – не сегодня. Он убрал палец со спусковой скобы и продолжил наблюдать.

Рико внезапно отложил винтовку. Сел. Схватился за голову и замер на несколько минут. Затем встал и, сложив руки рупором, закричал:

– Угрю-ю-мы-ы-й! Мы-ко-о-о-ла-а! – подождал несколько минут. Крикнул еще раз. Постоял ожидая, присел, зачехлил винтовку. Надел рюкзак, повернулся в сторону развалин, угрозил кулаком и громко, с пафосом, сказал:

– Это тебе за Кабана и Сашка-Шахтера! – сплюнул. Засмеялся и поднял руку, выставив вверх указательный палец: – Все-таки я – лучший! – хохотнул победно, быстро скользнул через пролом в крыше и исчез. Угрюмый остался на месте, переждать. Снайпер удивился тому, что Рико так легко поверил в гибель противника. Это не похоже на Рико...

Ну что ж! Будем исходить из предположения, что враг считает Угрюмого убитым. Надо им подыграть. Вернувшись в расположение, снайпер встретился с Хмурым и доложил ситуацию. Посоветовавшись, решили распространить слух о гибели Угрюмого и устроить громкие похороны снайпера. Пусть все считают, что Угрюмый погиб!

Глава восьмая

Через три дня состоялись «похороны». Хмурый объяснял всем, что после попадания снаряда, Угрюмого разорвало на куски, а в этом закрытом гробу, хоронят останки, которые удалось собрать. На отпевание пригласили Тамару. Женщина рыдала, причитывая о том, что с этой проклятой войной лишилась дома, мужа, всего... теперь вот, человека, которого считала своим братом. Угрюмый хоть и не был роднёй, но стал ближе, чем её родной брат Рико, который – «укроп» и предатель. Затем Тамара, по рекомендации Хмурого, позвонила брату и плача, сообщила о гибели Угрюмого. Ругала Рико, называя убийцей. Брат выслушал молча и дал отбой.

В это время, Угрюмый скрывался в доме близкого друга. Его звали Артем. Ополченский позывной – «Старый». Артём служил в подразделении Хмурого.

Угрюмый для изменения внешности начал отпускать бороду и усы и отращивать волосы на своей, обычно наголо бритой голове.

Прошло около месяца. Заросший снайпер стал походить на своего друга и одеваясь в его одежду, выходил в город. На передке, объявили о прекращении огня и отводе войск, но война артиллерии и разведывательно-диверсионных групп не прекращалась. Иногда совершали вылазки снайперы. О Рико известий не было.

Как – то пришел Хмурый и сообщил, что в ближайшее время на полигон импровизированного учебного центра ВСУ, должны прибыть два серьезных инструктора по специальной подготовке. Один – американец – очень опытный специалист по подготовке боевиков, известный во всем мусульманском мире. Другой – англичанин. Говорят, что из SAS и вроде как, снайпер. План такой: Хмурый с тремя группами совершают налет на штаб учебного центра. Завязавшийся бой отвлечет внимание ВСУшников, и тогда, Угрюмый ликвидирует американца. В идеале – англичанина тоже. Но американец в приоритете.

Снайпер погрузился в размышления. Он неплохо знал район учебного центра. Несколько раз скрытно был там с целью разведки. Снайпер вспоминал местность. Наиболее удобная и безопасная позиция была в старой водонапорной башне, метрах в шестистах от полигона. В своё время, Угрюмый просидел там около двух суток, наблюдая за тренировками батальонов нацгвардии ВСУ и поведением ветра. Да, позиция неплохая, но слишком удобная... и как с неё уходить? Угрюмый сказал об этом командиру. Хмурый в попытке развеять сомнения, предложил снайперу две группы в прикрытие. Сказал, что они придут на место почти одновременно со снайпером. «Целых две группы! – сказал Угрюмый. – Видать, цель – очень важная персона!». Хмурый пояснил, что американец занимался подготовкой исламских боевиков в разных регионах. От Афганистана до Чечни. Сей-

час хорошая возможность остановить его.

– У них много разных инструкторов. Почему именно этот? – спросил Угрюмый.

– Он самый лучший! Работает эффективней всех! – Хмурый поднял указательный палец.

– А что насчет тепловизоров?

– Учебный центр расположен в тылу. Ты же знаешь какая там расслабуха! Главное, чтобы водка была! – Хмурый помолчал, раздумывая, потом сказал, – Конечно, к американцу приставят охранение, усилят блокпосты, одним словом, повысят меры безопасности. Но это тыл. Думаю, что тепловизоров у них нет. Тем более, что иностранцы будут в форме ВСУ и без знаков различия. Определить сразу кто цель не получится. Давай, гляди и запоминай! – Хмурый выложил несколько фотографий, сделанных с близкого расстояния. Угрюмый внимательно рассмотрел снимки. Спросил:

– А что Рико?

– В отпуске. Вроде куда-то уехал, – Хмурый уголками губ изобразил улыбку, – наверное, отмечает твои похороны!

– Ну-ну! – Угрюмый недоверчиво качнул головой. – Ты уверен, что англичанин снайпер?

Хмурый помолчал, затем неохотно ответил:

– О нем знаем очень мало. Пока. Но разведка работает. Есть трудности, – добавил – время на подготовку три дня!

– Ну очень много! – съязвил снайпер. На том и расстались.

Через несколько дней Угрюмый скрытно прибыл к поли-

гону учебного центра ВСУ. Вскоре подошли группы прикрытия. Снайпер утвердил условные сигналы и порядок действий, затем рассредоточились. На водонапорную башню отправили бойца с пулеметом.

В куче мусора, метрах в четырехстах от места, где ожидалась цели замаскировался Угрюмый. Затаились.

Почти сутки Угрюмый наблюдал, как различные подразделения ВСУ совершенствуют свое стрелковое мастерство, занимаются тактикой и полевой медициной, в общем, ничего примечательного – обычные армейские будни.

Через день, к полудню, на территорию учебного центра буквально влетели три бронированных джипа. Из них выскочили восемь бойцов в форме нацгвардии ВСУ. Следом приехал КамАЗ с солдатами в кузове. Спешились, выстроились. Вперёд вышли четверо. Высокий, крепко сложенный, что-то объяснял, показывая рукой на стоящих рядом. Наверное, командир представлял инструкторов. Снайпер подстроил диоптрии прицела. Ага! А вот и он – американец. Выглядит в точности как на фото. Ненапряженная поза, грудь закрыта бронежилетом, широкий, плечистый, энергичного вида. Говорит жестикулируя. Одет в украинский камуфляж – в простонародье называется «жаба».

Рядом невысокий, худощавый англичанин. В таком же как у американца бронике. Да-а! Такой броник, обычным боеприпасом не возьмешь! Снайпер дослал экспериментальный бронебойный патрон. Баллистика у него конечно, отврати-

тельная, но пробивает почти всё, главное – попасть! Угрюмый щёлкнул барабанчиками прицела. Отстроил параллакс и замер в прицеливании. Внезапно из водонапорной башни ударил пулемет. «Нервишки слабоваты!» – подумал снайпер.

Бойцы ВСУ бросились врассыпную. Стрельба и взрывы послышались и за пределами полигона, возле зданий центра. Так, понятно! Это, начала работать группа Хмурого. Снайпер сосредоточился на своей цели. А в это время, бойцы ВСУ, под пулеметным огнем, заметались в поисках укрытий, на ходу открывая ответную стрельбу.

Угрюмый нашёл цель. Американец, сбитый пулемётной очередью, упал на спину и замер. Снайпер искал второго инструктора. Англичанин исчез.

Тем временем, бой разгорался и ничего хорошего это не предвещало. Сразу возникло несколько вопросов без ответа. Как отходить? В какую сторону? В какой момент? Жив или нет американец?

Раздумывая, снайпер продолжая наблюдать. Среди общей какофонии боя, выделился звук выстрела, отличный от автоматного или пулеметного. Что-то знакомое... крупнокалиберная винтовка! Так-так! В подтверждение догадки, смолк пулемёт на водонапорной башне, а это означает, что пулемётчик убит. Угрюмый выжидал, осматривая поле боя – там никого с винтовкой не было. Откуда же стреляли в пулеметчика? Угрюмый перенёс взгляд в глубину. Угу! Так... строение за полигоном. Ага! Полуразрушенное двухэтажное зда-

ние из красного кирпича, без крыши... посмотрим... Медленно повел винтовкой. Та-ак! Второй этаж. В тёмной глубине комнаты, улавливается еле заметное движение...

Снова грохнул винтовочный выстрел, и из оконного проема вылетел клуб пыли. Есть! Нашёл! Теперь знаю, где ты... прикинем дальность... около шестисот метров... плюс сто до башни... да здесь все семьсот! Кто же это работает? Такую дальность, без второго номера, стрелять сложно! Пулемет на башне молчал, а ведь пулемётчик работал с закрытой позиции, только были видны голова и плечи. Да-а – хороший выстрел. Кто же ты?

На плац, стреляя, сходу выскочил восьмидесятый БТР с бойцами на броне. Повернулся. Встал боком, закрывая корпусом лежащего американского инструктора. Спешившиеся солдаты кинжальным огнем накрыли всё пространство возле водонапорной башни, где были позиции нападавших. Разведчики, слабо огрызаясь, стали отходить. Внезапно, в тыл ВСУшникам прорвалась одна из групп Хмурого. Прикрываясь пулеметным огнем, быстрым маневром бойцы приблизились к БТРу с противоположной от позиции Угрюмого стороны. Бой снова закипел, но от водонапорной башни выстрелов уже не было. Прорыв помог отойти разведчикам, прикрывавшим снайпера. Угрюмый смотрел на проём окна красного здания. Тот же звук и клубы цементной пыли. Там! Точно – там! Один или пара...

Снайпер до боли в замыленном глазу всматривался в тем-

ноту. И тут, его левый глаз отметил движение возле БТРа. Двое с автоматами перебежали под прикрытие брони транспортера и присели. Сидя на корточках боком к снайперу, совещались. Затем один стал давать указания радисту. Угрюмый с удивлением узнал американца. Опа! Он же валялся без движения... да-а – хороший броник у инструктора!

Угрюмый прицелился... шумы слились в протяжный гул, сердце глухими ударами звучало в висках... только выдох и спуск заняли всё сознание стрелка... Бахх-х! Выстрел неожиданен. Винтовка отъехала, мягко сдерживаемая плечом. Пришло ощущение попадания... теперь – замри! Угрюмый окаменел, пытаясь раствориться телом и сознанием в окружающей обстановке. Всё, Угрюмого больше не существует... он превратился в кусочек камня, стал частью той мусорной кучи, где лежит... теперь его трудно найти, только... если у противника тепловизор... но лучше, об этом не думать!

Стрельба стала затихать. Еще два-три выстрела из здания и бой закончился. Некоторое время тут и там гремели автоматные очереди, но это уже зачистка. Группа, прорвавшаяся к БТРу, наверняка погибла. Снайпер тихо вздохнул и осторожно взглянул в прицел. Подъехал КамАЗ с солдатами. Спешились. Выстроились цепью. Пошли прочесывать территорию в сторону водонапорной башни и прямо на Угрюмого. На КамАЗ грузили убитых. «И своих, и чужих в один кузов, – грустно подумал снайпер. – Вот так совмещается несовме-

стимое!»

Цепь неумолимо приближалась. Солдаты не спешили и осматривали каждый куст, дерево, ямку, на всё обращали внимание. Да, Угрюмый скрыт слоем битого кирпича, досок и другого мусора и его совсем не видно, даже если подойти близко. Но стоило только чуть поворошить кучу, и – позиция будет раскрыта. В этом случае, шансов остаться незамеченным практически нет...

Снайпер вспомнил, как в детстве, играл в прятки, как было страшно сидеть в сыром, тёмном подвале, где пахло крысами и болотом. Вспомнил, бешено колотилось сердце, и хотелось быстрее оказаться на свету, в тепле летнего солнышка. От страха, тело дрожало в ознобе и кричало: «Беги! Беги!». Но надо было вытерпеть. Переждать, пока ищущий, с испугом вглядываясь в темноту, так и не решится спуститься вниз для проверки. Просто постоит недолго, покричит и пойдет дальше.

Сейчас, детство вернулось! Снова колотилось сердце, снова тоскливый, предательский страх гнал наружу к теплему солнечному свету. Правда теперь, это уже не детская игра. Идёт реальная, жестокая борьба за жизнь. Без сантиментов и жалости, с высокой ценой за ошибку. Результаты такой борьбы, складывали в кузов КамАЗа.

Угрюмый понимал обреченность положения. Убежать некуда! Он во вражеском тылу. Скоро его найдут и, скорее всего, сразу расстреляют. Таков удел снайпера! Перед рас-

стрелом могут и поиздеваться. Подсознательный страх, перед охотниками на человека, всегда привносит дополнительную злобу на снайперов противника. Поэтому, с ними не церемонятся... никогда и ни где. Что делать? Цепь приближалась. Угрюмый снова осмотрел здание из красного кирпича. В оконном проеме второго этажа стоял человек с винтовкой на плече и что-то кричал стоящим внизу. У снайпера перехватило дыхание – Рико? Нет! Это не Рико... это... англичанин! Вот так темная лошадка! Ай да тихоня! Да он настоящий мастер-стрелок! Стоит расслабившись, уверенный, с видом победителя. Э-эх! Была не была! Угрюмый прикинул расстояние... около шестьсот. Ветер? Слева, скорость около метра... быстрые щелчки барабанчиков прицела. «Помирать, так с музыкой!» – Угрюмый сосредоточился на цели.

В этот момент, один из солдат цепи выпустил длинную очередь из автомата по кустам слева. Оттуда выбежал рыжий облезлый кот. Бойцы засмеялись, начали свистеть и палить кто куда. Воспользовавшись шумом, снайпер выстрелил. Звук потонул в общем шуме...

По куче мусора, где лежал Угрюмый, зацокали пули. Снайпер съежился, не успев увидеть результата своего выстрела. Грохот и визг пуль продолжались секунд десять. Что-то обожгло шею и плечо, заставив сжать от боли челюсти. Стрельба прекратилась, и солдаты начали ругаться и орать друг на друга. Снайпер выдохнул – цепь остановилась метрах в десяти от него. Пока солдаты упражнялись в скверно-

словии, закончилась погрузка тел убитых. Большой мужик в американском камуфляже прокричал команду, и солдаты подбежали к КамАЗу. Запрыгнули в кузов и уехали. На полигоне осталось несколько человек охраны. Они разожгли костер, сели вокруг огня, достали бутылку водки и еду. Угрюмый лежал, размышляя об отходе. Из шеи, пачкая подбородок, текла кровь.

Стемнело. Солдаты у костра окрыли третью бутылку. Они громко разговаривали, смеялись, иногда постреливали в разные стороны. Периодически, им казалось, что рядом ходят враги.

Угрюмый ждал, крепко прижав ладонью рану на шее. Прошел час. После очередной стрельбы, к костру подъехала бронированная «Нива». Из автомобиля выпрыгнули два офицера ВСУ. Между ними и солдатами произошла перебранка. Машина уехала, но один из офицеров остался. Пьянка у костра прекратилась. Теперь каждые полчаса солдаты, нетвердым шагом обходили периметр полигона. Минуло еще два часа. От потери крови Угрюмый ощущал слабость. Он понимал, что нужно срочно выбираться, мусорная куча была на виду и её освещал прожектор. Что же делать? Надо бы уйти сейчас, иначе потом не хватит сил. Веки тяжелели, голова кружилась, вкус крови во рту вызывал тошноту. Тело плохо слушалось, бдительность притуплялась. Угрюмый вздохнул, собирая силы, пошевелился, изменяя позу. Попытался выползти из-под камней. Винтовка и рюкзак стали невероятно

тяжелыми. Придется что-то оставить! Напрягся, стараясь на шуметь, сделал еще одно движение и вдруг... ощутил на себе чужой взгляд. Снайпер замер и, медленно повернув голову, взглянул в сторону костра. Между Угрюмым и охранниками стоял человек. В черном, длинном (до самых пят) плаще, или мантии, с большим капюшоном на голове. Лица было не разобрать, но седая борода белела в темноте. Угрюмый, осторожным движением, потянулся за пистолетом... человек тихо сказал:

– Николай! Не надо делать резких движений! Вылезай, забирай весь свой инвентарь и иди за мной... Я доведу тебя... к своим.

– Кто ты?

– Сейчас это неважно, – густой и мягкий голос звучал в голове снайпера, – потом ты всё узнаешь... теперь, нужно немедленно идти... доверься мне! – снайпер вылез, с невероятным шумом разворотив всю кучу, вытащил винтовку, захлепнул её и надел рюкзак. Встал. Качнулся, шагнул, глядя с напряжением на солдат у костра. А те, словно застыли, не реагируя на шум и движение. Угрюмый ещё раз качнулся, кашлянул и сказал:

– Я готов!

– Иди за мной... не отставай и не оглядывайся... – человек в капюшоне уверенно пошел в сторону водонапорной башни, не прячась и не пригибаясь – в полный рост! Снайпер побрел следом.

– Молись, чтобы мы дошли! – не оборачиваясь, сказал провожатый.

– Как?

– Ты знаешь...

Угрюмый достал из нагрудного кармана пояс с молитвой и, зажав его в кулаке, забубнил молитву:

– Живый в помощи вышняго... – ощутил, что время и пространство куда-то исчезли. Темнота окутала пространство и казалась такой густой, что поглощала все звуки. Угрюмый не слышал собственных шагов и не чувствовал земли. Он брёл, стараясь не отстать, держался за плащ и бубнил какие-то слова, не слыша и не понимая их смысл... всё, как будто перестало существовать. Ушли боль и страх смерти, забылись усталость и неуверенность, война закончилась, как и сама жизнь... не было ничего! Только Угрюмый и человек в чёрном брели, как в волшебном сне. Снайпер потерял понимание реальности... постепенно нахлынули спокойствие, тихая радость и чувство безопасности, словно в детстве, когда идешь, ухватив указательный палец отца – самого сильного человека на свете, когда держишься за теплую, ласковую мамину ладонь, тогда, уверенно ступаешь по земле, улыбаешься, чувствуешь себя самым счастливым и защищенным человеком на всей планете. И сейчас, идя по серой зоне, на рассвете, совершенно открытый для взора врага, Угрюмый безмятежно радовался жизни, глотал свежий прохладный воздух, замечая, как в мир входит солнце, разгоняя

темноту и страх ночи. Снайпер шёл, полностью доверившись своему провожатому. Мимо проплывали серые развалины домов... чёрная, выгоревшая, истерзанная воронками земля Донбасса, пожелтевшая зеленка...

– Стой! – резкий окрик заставил вздрогнуть. – Кто такие? Откуда? – Угрюмый остановился. Тяжелая усталость и сильная боль ворвались в его тело, забрали остатки сил, снайпер застонал, качнулся, тяжёлый рюкзак потянул назад и опрокинул Угрюмого. Сознание померкло. Последнее, что запечатлел его взгляд, был шеврон ДНР на рукаве бойца ополчения:

– Дошли! – выдохнул с улыбкой снайпер, и провалился во тьму.

Глава девятая

Рико бродил по полигону учебного центра. Он внимательно осматривал каждый участок земли и размышлял. Из-за дерзкого налета сепаратистов, Рико отозвали из отпуска. В штабе группировки войск ВСУ все были в бешенстве. Снова убийство американского инструктора. И где – в тылу! Как это могло произойти? Куда смотрела контрразведка? Почему не приняли нужные меры? Доклады противоречат один другому! Известно точно одно – нападение сепаратистов маскировало работу снайпера. Что это за новый стрелок? Откуда он стрелял? Как проник... и как смог уйти?

Рико как опытному, наблюдательному разведчику, поручили разобраться. Воссоздать картину боя и доложить, какими реально силами совершался налет. Выяснить средства и вооружение нападавших. Разобраться, какие бронебойные пули использовал вражеский снайпер... многое предстояло выяснить!

Прежде всего, Рико поговорил с английским инструктором, участником вышеописанных событий. Рико посетил его в госпитале. Шальная пуля попала в стену и осколок кирпича сильно рассек англичанину голову. Снайпер подробно обо всем расспросил Саймона – так звали инструктора. Выслушал его мнение об инциденте, приехал на полигон и метр за метром стал осматривать место боя. Через некоторое время,

Рико нашёл и выковырял из стены пулю, застрявшую в толстом слое кирпичной кладки, кусок которой ранил англичанина. Пуля была точно такая же, что расколола череп американца и застряла в броне БТРа. Точёная бронебойная пуля триста тридцать восьмого калибра. Производитель неизвестен. На этой войне, Рико таких ещё не видел. Может россияне работали? Не-е... мы бы об этом узнали быстро! Но пуля явно – не кустарного производства... ну шо ж, будем думку думать – откуда у ватников такие пули! Рико снова взглянул на поле боя, пытаюсь представить действия нападавших... да, действительно, бойцы ВСУ прозевали очевидное – правда была в том, что налет маскировал действия снайпера. Но если был снайпер, значит, есть и его позиция. Но где? Если судить по попаданиям и углам входа пули, в американца и стену, то становилось понятно, что снайпер позицию не менял. Оба попадания снизу – вверх и под одним углом... Где же ты прятался? Что это за новый снайпер?

Несколько дней Рико бродил по полю. Смотрел, щупал, нюхал. Размышлял, анализировал. Вот здесь сидел пулеметчик, которого убрал англичанин. Трое, возле водонапорной башни, в наскоро подготовленных огневых позициях... Нет! Среди погибших нет ни одного похожего на снайпера... Рико бродил в задумчивости. Еще раз взглянул на развороченную кучу мусора и битого кирпича. Она находилась посреди поля и хорошо просматривалась со всех сторон. Развороченная, зловонная, совершенно не подходящая пози-

ция... Рико остановился, пораженный догадкой... Нет! Не может быть! Невероятно! Совсем не хотелось верить, что единственное место, откуда возможно сделать такие выстрелы, было именно здесь – в куче! На самом открытом участке местности. Но это же самоубийство, занимать такую позицию! Рико залез в кучу. Осмотрел её. Так-так! Вот оно... запекшиеся, еле различимые следы крови. Если они до сих пор сохранились, значит натекло много. То есть, тут точно кто-то был... вот тебе и на! Снайпер лег, занимая позицию для стрельбы. Точно! Всё как на ладони! Так... вот здесь стоял БТР... там... на втором этаже... была позиция Саймона... и Рико вдруг, как в немом кино, увидел всю картину боя. Понял хитрый замысел вражеского снайпера. Ай да ватник... так, если это его кровь... как ему удалось уйти? Когда, в какой момент? Сколько он здесь пролежал? Рико оглядел полигон. В семидесяти метрах от мусорной кучи, круглосуточно дежурила целая группа бойцов. С ними два офицера. Периметр обходят каждые полчаса. Куча, ночью, попадает под освещение. Мышь не проскочит незамеченной. Но враг ушел! Раненый! Как? Кто это был? Снайперский мир тесен. Рико напряг память. Хороших стрелков немного и обычно, они знают друг друга, или слышали о достижениях... из всех известных Рико стрелков, только Амир из Луганска мог выбрать такую позицию. Но он сейчас в госпитале с тяжелым ранением. Это точно известно. Выходит, что у «ватников» появился кто-то еще способный на выполнение таких непро-

стых снайперских задач. Рико возбужденно вздохнул. Охотничий азарт захватил его. Наконец-то нашелся достойный противник! Он побрел от мусорной кучи в сторону водонапорной башни, пытаясь обнаружить следы. Очень скрупулезно осмотрел каждый сантиметр почвы и не нашел ничего стоящего внимания.

Следующим утром Рико доложил о результатах поисков руководству и попросил разузнать про точёные пули и новых стрелков в рядах сепаратистов. Разведка взялась за дело.

Через несколько дней Рико вызвали в штаб. Там сообщили что в Донецком госпитале действительно лежал раненный участник налёта на учебный центр. Снайпер он или нет неизвестно. Некоторые говорят, что это ученик Угрюмого, но всё это не точно. Можно было бы узнать, но его увезли из госпиталя. Где он сейчас? Вот ты и найди его. Найди и ликвидируй! Завтра представишь план. Рико рассердился; всё у вас... и как всегда – виноват стрелочник! О-тож!

Теперь, Рико вышел на охоту. Через разведчиков и агентов СБУ, внедренных в различные структуры ДНР, собирал необходимые сведения. Вскоре информаторы донесли, что раненый находится в частном секторе, на «бакинке», в доме одного из бойцов, участвовавших в налете.

Рико озвучил в штабе тактическую идею по ликвидации не только снайпера, но и самого Хмурого. Предложил план как сделать это в самом Донецке. Тем самым, объяснял снайпер, мы не просто реализуем возмездие, но и устршим се-

паратистов! Пусть боятся! Пусть знают, что им нигде не будет спокойно!

Идею поддержали. Некоторое время ушло на разработку и планирование. Подбирали людей, способы заброски в тыл противника, материалы, экипировку. Определялись со связью, и, прикрытием. Планировали отходы и запасные варианты. Всё готовилось быстро, но основательно. В операции участвовали несколько ведомств и конечно, американские специалисты. Перепроверялась любая информация об оперативной обстановке в городе. Ко всему подходили серьезно. Ошибиться было нельзя! Операция должна была стать уникальной. Так решили сверху!

Через месяц, провели заброску двух диверсионных групп в Донецк. В одной из них был Рико.

Информаторы сработали четко и нужный дом на «бакинке» диверсанты нашли быстро. С первого захода. В частном секторе оставались не поврежденные артиллерией ВСУ дома, из которых, с началом войны уехали жители. Рико с двумя бойцами диверсионной группы расположились на чердаке дома соседнего с нужным.

Приступили к наблюдению. Вечером, в сумерках, на крыльцо вышел сильно сгорбленный, похожий на старика человек. Он был одет в «Горку» большого размера и зимнюю гражданскую куртку синего цвета. Кряхтя, устало переставляя ноги, опираясь на палку, старик медленно удалился в сторону центра города. Через миут десять из дома вышел

ещё один мужчина, то же бородатый и широкоплечий. Он закрыл железную дверь в воротах и возвратился к крыльцу. Оттуда стал смотреть в быстро темнеющее, налитое свинцовыми облаками зимнее небо. Черная вязаная шапочка, надвинутая на самый лоб, темные усы и борода скрывали черты лица. На шее возле плеча и на груди белели бинты, обнажившиеся под распахнутой курткой. Снайпер пригляделся. Похоже это и есть его цель. Тут, сепаратист повернулся, и Рико уловил что-то знакомое в фигуре, овале лица и движениях стоящего. Что-то очень знакомое... кто же ты? Где я тебя видел? Снайпер всматривался, пытаясь увидеть слабо блестящие глаза человека, поднявшего лицо к небу. Вот он сделал неуловимое движение. Какое знакомое... неожиданная догадка пронзила сознание. Угрюмый? Рико сильно зажмурил глаза. Открыл их. Нет! Не может быть! Рико точно знал, был совершенно уверен, что его личный враг погиб в промзоне. Разведка это подтвердила. Тогда кто это? Еще раз присмотрелся к стоящему... точно Угрюмый! Та не-е... не может быть... мысли метались в голове, лихорадочно копаясь в памяти... Стоп! Неважно! Главное – человек внизу – тот самый раненый снайпер и он подлежит ликвидации! Сейчас самый подходящий момент. Время терять нельзя! Цель хорошо видна и практически неподвижна. Пора переходить к действиям! Рико одним движением достал из спортивной сумки автоматическую М4 с глушителем и оптикой. Выдвинул приклад. Вставил магазин. Одному из бойцов, по-

дал условный сигнал рукой, тот быстро сбежал вниз и через несколько секунд, стучал кулаком в ворота. Железо загудело. Рико тихо открыл окно.

– Кто там? – человек спустился с крыльца. Рико увидел походку и сомнения отпали – это был Угрюмый! До цели не более семидесяти метров. Снайпер занял устойчивое положение и прицелился.

– Я от Хмурого! – кричал из-за двери боец, и Угрюмый медленно сошел с крыльца.

– Я сейчас! – голос его звучал хрипло и как-то... обреченно. Рико вдохнул и с выдохом плавно потянул спусковую скобу. И тут... он увидел старика. Не того, который ушел в сторону центра города, нет. Этот был в странной длинной одежде, совсем седой, лысоватый и с белой бородой. В левой руке дед держал толстую книгу и что-то говорил, еле шевеля губами. Ошеломленный Рико замер. Убрал палец со спускового крючка. А, тем временем дед закрыл собой цель.

– Тебе чего надо? – прошептал Рико.

– Убьёшь – будешь страдать! Помилуешь – и тебя помилуют! – слова звучали в самом центре головы.

– Это мой враг! – яростно пульсировало сердце Рико.

– Нет! – настойчиво звучало в голове, – Он твой брат!

Рико стиснул зубы, встряхнул головой, часто и с силой поморгал. Видение исчезло. Снайпер вернул перекрестье на цель. Сосредоточился, сделал три беглых выстрела, целясь в спину, идущего к двери врага. Тот остановился, как бы за-

думавшись, и Рико немедля, выстрелил ему в голову. Она мотнулась, брызнула темной сумеречной кровью, и мёртвое тело Угрюмого, рухнуло мешком посреди двора. Внутри себя, Рико ощутил взрыв яростного восторга. Ему захотелось прыгать, рычать и хохотать. Кричать так, чтобы все слышали. Из груди рвалось: «Я – лучший!». Возбуждение хищника, настигшего и растерзавшего добычу, заставляло кровь бурлить... надо только вскочить и... но снайпер сдержался. Быстро разобрал и упаковал винтовку. Подобрал разлетевшиеся гильзы, закрыл окно и метнулся к выходу.

У дома ждал автомобиль. Первая часть плана была завершена.

Глава десятая

– Эй, дедуля! Может подвезти? – он обернулся на звук молодого, задорного голоса. Боец «Беркута» кричал из уазика. Ещё двое стояли рядом.

– Что, совсем плохо выгляжу? – он поднял голову – Я бра-тишки, после ранения много крови потерял, колено повредил, поэтому и хожу так... подвезите, если не трудно! Мой позывной – Старый.

– Прости, брат! – смутился боец, открывая заднюю дверь, – Куда ехать?

– В штаб корпуса. К Хмурому, – хрипло сказал Старый.

– Хорошо, брат, садись. Только мы сначала в пару адресов съездим, а потом в штаб, устроит?

– Добро, я не тороплюсь, – Старый, кряхтя и преодолевая боль в колене, залез в уазик. Бойцы запрыгнули следом. Машина, взревев двигателем, сорвалась с места.

Более двух часов носились по Донецку. Старый даже умудрился немного вздремнуть. Наконец, выдвинулись к Хмурому. Гудя мостами. На всех парах.

Возле штаба стояло оцепление. Бойцы вылезли из уазика и подошли ближе.

– Серега, Здоров! В чем дело? – спросили у стоящего в оцеплении.

– Да непонятно: то ли в штабе что-то взорвалось, то ли

снаружи, в окно к Хмурому из «Шмеля» пальнули, но разнесло почти весь этаж! Короче, Хмурый погиб!

– Диверсия?

– Похоже! А шо за деда вы привезли?

– Да не дед он... боец Хмурого. Недавно из госпиталя.

Много крови потерял и поэтому желтый как кощей.

– Как позывной?

– Старый.

– Знаю я одного Старого. Но он из другого подразделения!

– Слышь, да у нас этих «Старых», «Дедов», «Шаманов» и «Рэмб» уже полгорода! – говорящий засмеялся и повернулся к Старому: – Правильно, брат?

– О-тож!

– Ладно Серега, нам пора! Видишь – не успел ты Старый.

Приехали бы раньше... тебя бы тоже... – боец смолк. Тихо прибавил: – Везучий ты!

– Отвезите меня обратно! – попросил Старый.

– Садись, брат. Пока, Серега!

– Давай! Удачи вам! Берегите себя! – Старый с бойцами залезли в уазик и укатили.

Прошли сутки. Рико шел через площадь Пушкина на встречу с агентом, обеспечивающим отход группы. Ярко светило солнце. Был ясный, чуть морозный день. Снайпер шел не спеша. Вдыхал прохладный воздух, пахнувший чистотой. На душе легко. Обе задачи выполнены без сбоев и неожиданностей. Все показали себя хорошими профессионалами.

Исполнили чисто и без потерь. Теперь эта операция станет образцово-показательной. Надо только вернуться без потерь. Рико втянул воздух. Плавно выдохнул, унимая радостное возбуждение, и ощутил на себе пристальный взгляд. Он повернул голову. Метрах в десяти стояла женщина, с широко распахнутыми от удивления глазами. Даже рот её слегка приоткрылся. Снайпер остановился. Они молча глядели друг другу в глаза. Прошло несколько минут, затем женщина выдавила в смятении:

– Микола?!

– Галя! – полушепотом произнес Рико имя жены.

На неуверенных ногах подошел. Галя стояла, растерянно теребя язычок молнии на своей пуховой куртке. Она заметно побледнела и похудела. Огромные, бездонные синие глаза, блестели слезами. Круглое, красивое лицо выражало скорбь. Рико вдруг увидел, как она хрупка, одинока и беззащитна. Чувство вины вырвалось из глубины его души, комом застряв в горле. Ему нестерпимо захотелось обнять жену, прижать груди, поднять и унести от этой проклятой войны, невзгод, одиночества и спрятать в тихом, безопасном месте.

– Ты здесь... – сквозь слезы спросила она, боясь ответа, – надолго?

– Нет, ненадолго, – ответил он, – завтра или послезавтра убываю.

Галя с пониманием кивнула. Помолчали. Оба с трудом

сдерживали свои чувства.

– Как Артемка? – спросил он о сыне.

– Вчера исполнилось четыре... ты забыл? – она мягко улыбнулась, и бледное лицо ее просветлело. Рико улыбнулся в ответ:

– Я всегда забываю дни рождения. Только твой – никогда! – голос срывался. Они стояли, утонув в глазах друг друга и не замечали ничего вокруг, и светлое тепло любви окружало их, невидимой силой сковала движения, отобрав возможность развернуться и уйти. Они любовались друг другом, как в последний раз. Сердца, бились в унисон. Одинаково сильно, одинаково радостно и одинаково печально. На некоторое время они вдруг подумали будто, ничто и никто не сможет разлучить их, и мир вокруг перестал существовать... Но это продолжалось недолго. Галя вздрогнула и со слабой надеждой спросила:

– Может, зайдешь? Увидишь Артемку, маму, – Он помолчал, обдумывая ее слова, потом спросил:

– А где отец?

– Папа погиб.

– Как?

– Снаряд влетел прямо в комнату, где он спал.

– Почему он не переехал к тебе, как мама?

– Когда там, на улице Стратонавтов, уже мало целых домов осталось, мы приехали за ним. А он говорит: «Это дом моих родителей! Негоже его бросать!». Ну и остался. В ту

же ночь и погиб. То, что от него осталось, мы похоронили в огороде. Живем теперь без мужчин, – Галя слегка всхлипнула. – спасибо, хоть Тамара не забывает. Её мужа Сашку, тоже убили! – она не выдержала и заревела. – Что же это Миколушка? Почему? Свои своих убивают! Тома кричит, что ты враг... а я же... так люблю тебя! Я очень сильно тоскую... скажи, когда это кончится? Нам так страшно! Артемка кричит по ночам! За что это нам? Почему? Зачем ты там, а мы здесь? Я умираю без тебя!

Рико подхватил вздрагивающую в рыданиях жену. Прижал к груди. Растерянно погладил по голове. Забормотал:

– Тише, родная, тише! Успокойся... что поделаешь – война! – горло перехватывало спазмом. Первый раз, он всей душой, всем окаменевшим на войне сердцем ощутил, почувствовал горе другого человека. Слова жены откликнулись в нем сильной, внутренней болью. Это было новое для Рико ощущение. Неожиданно, пришло осознание хрупкости, неустойчивой человеческой жизни. Грудь теснило, дыхание затруднилось, что-то тяжёлое вползало в душу и странным образом в сознании всплыли воспоминания – странные воспоминания. Вот, яркой картинкой встал образ старика, закрывшего собой Угрюмого... и слова: «Убьёшь – будешь страдать!». Что-то было ещё... но Рико уже понял – вот оно – наказание... отец погиб, жена мучается в одиночестве, сын болеет от страха... к сердцу подступила горечь... защипало в глазах... «Ну все, хватит! Распустил нюни!» – Рико сбросил

наваждение, встряхнув головой. Отстранил жену. Пристально посмотрел в глаза. Горе и тоска снова стали проникать в сердце, размягчая волю. Рико отвел глаза и твердо сказал:

– Все, иди домой! Завтра в десять утра я приду! Ждите во дворе – на детской площадке! – развернулся и быстро пошел прочь, ощущая спиной радостный от надежды взгляд.

Следующим утром, Рико осторожно, с предельной внимательностью, приблизился к назначенному месту. Выглянул из-за угла соседнего дома. Метрах в шестидесяти детская площадка. Там, мама Рико качала маленького Артемку на качелях. Галя стояла рядом и в нетерпении, часто оглядывалась, ожидая появления мужа. До встречи было еще полчаса. Сердце Рико наполнилось радостью. Он вышел на открытое пространство. Галя тут же заметила его и застыла, радостно глядя на мужа. Её глаза улыбались. Рико сделал шаг навстречу...

Горячая волна опрокинула снайпера навзничь и больно ударила спиной об асфальт. Уши и голову болезненно сдавило, привычные звуки исчезли, оставляя только свист и звон. Вместе с землей вздрогнули внутренности. Время превратилось в тягучую массу, замедляясь и обтекая упавшего Рико. Он с трудом приподнял голову и посмотрел туда, где мгновение назад были глаза его жены и смех сына. Их не стало! Они пропали, исчезли, испарились... сквозь мутную пыль, снайпер наблюдал, как мимо него шипя и вращаясь, проплывают раскаленные осколки артиллерийского снаряда, комья

земли и фрагменты железной конструкции качелей. Следом летели камни, куски асфальта и части человеческого тела. Всё это пролетает мимо, каким-то чудом не задевая Рико, а он наблюдает, словно смотрит замедленное кино. Рико поворачивает голову и видит, что на месте качелей образовалась глубокая, поглотившая три жизни воронка. Рядом с ней, упала окровавленная Галина куртка и половина её ноги. А Артемка... просто испарился... словно стерли изображение, нарисованное на стекле. Исчезли его задорный смех и большие, синие, как у Гали глаза... мальчика просто не стало. Окровавленные куски той, что когда-то была матерью Рико, проплывали над ним, в смертельном потоке осколков и мусора, несомых ударной волной. Эта картина разом ворвалась в снайпера. Мгновенно перевернула все его мысли, опрокинула надежды, захватила сознание и разорвала сердце, великим, никогда ранее не испытанным горем. Раскалила камень душевной злобы до полного плавления и быстрым озарением принесла понимание полного разрушения и потери смысла жизни. Взрывная волна еще гремела, эхом отражалась от строений, звучала осколками и битым стеклом, а душа Рико, уже забилась в конвульсиях, затрепетала от боли, рванулась наружу, ударилась в грудь, но не пробила своей оболочки, не смогла выскочить. И тогда, в крайнем отчаянии, дёрнула горло и проявила себя криком. Рико стоял на четвереньках и истошным голосом орал: «Не-е-е-е-ет! Не-е-е-е-т!». Затем он зарычал, завыл по-звериному, ударяя головой об асфальт.

Катался по земле, ревел, бил кулаками воздух, хватал себя за волосы и рвал их...

Сколько времени так продолжалось – трудно сказать. Рико остановился в изнеможении и беззвучные рыдания трясли его. Наконец, он упал ничком на землю и затих.

Приехала скорая. Следом и другие службы. К тому времени, Микола молча сидел, вперив пустой, остановившийся взгляд на воронку. Совершенно не сопротивляясь, он увлекаемый под руки людьми в белых халатах, покорно влез в медицинскую машину. Ему сделали укол. Микола сомкнул глаза и впал в глубокий искусственный сон.

Эпилог

Прошло несколько лет. Однажды, в храм одного из монастырей России, вошел мужчина лет пятидесяти. Жесткие черты лица и выправка выдавали в нем военного. Мужчина обратился к послушнику в черном подряснике:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте! – послушник внимательно посмотрел на вошедшего.

– Я хотел бы исповедаться, – тихо сказал мужчина.

– Это можно, – ответил послушник, – в Покровском храме сейчас исповедует отец Николай. Можете пойти к нему.

– Благодарю! – мужчина пошел к выходу, но вдруг остановился. Его внимание привлек человек в монашеской одежде, стоящий на коленях перед иконой Богородицы. Он молча молился, периодически крестясь и кланяясь до пола, по щекам текли обильные слезы.

– Простите, – вновь обратился к послушнику мужчина, – мне этот монах кажется знакомым. Как его имя?

– В монашестве его имя Никодим. Постриг был около полугода назад.

– А как его звали до пострига?

– Не знаю. Я тут недавно. Слышал только, что он на войне потерял всех родственников.

– На какой войне?

– Говорят, что он воевал на Донбассе.

– Понятно, – кивнул мужчина, – спасибо! – поклонился военный послушнику.

– Во славу Божию!

Мужчина некоторое время стоял, в раздумье глядя на молящегося. Потом тихо подошел и остановился сбоку. Никодим, не обращая внимания на подошедшего, продолжал слезно молиться. Мужчина наклонился к монаху и почти в самое ухо прошептал:

– Микола! – Никодим вздрогнул. Перекрестился и тяжело поднялся с колен. Повернулся к произнесшему его прежнее имя и замер. Около минуты они смотрели друг на друга. Военный улыбнулся. Жесткое, холодное лицо его разгладилось и потеплело. Тихо, почти шепотом, с шутливой укоризной, он сказал монаху:

– Рико! Шо же ты старых врагов не узнаешь? – и хлопнул монаха по плечу. Никодим сглотнул и сиплым голосом выдохнул откуда-то из глубины груди:

– Николай?! – радость сверкнула в его печальных глазах. – Угрюмый? Живой! – ликование переполнило монаха, выливаясь слезами и лучезарной улыбкой. Он с шумом набрал воздуха в грудь и облегченно выдохнул из себя что-то, что мучило его так долго. Радость обрывала слова, – Но как же... я ведь тебя... я был уверен, что... – Никодим не смог окончить фразу, совсем смешался, встал на колени перед Угрюмым, поклонился и произнес, – прости меня, брат!

– Да, я зла и не держу! – весело ответил Угрюмый, поднимая монаха с колен.

– Но расскажи, как?

– Что как?

– Как ты остался в живых? Я же два раза убил тебя. Я был уверен, что ты мертв! – они вышли из храма и сели на лавочку. Угрюмый, отвечая на вопрос, рассказал:

– Тогда, на промзоне, я ушел до того, как на мою лёжку прилетели снаряды. Потом мы с Хмурым устроили мои похороны, а я забазировался у своего друга с позывным Старый. Во время налета на учебный центр ВСУ он тоже был ранен, но легко. Мы со Старым были немного похожи... вот его ты и ...

– А как ты смог уйти с территории учебного центра?

– Какой-то дед меня вывел. Я сначала подумал, что мне всё привиделось, что я того... кукушкой тронулся. А потом, было дело, захожу в церковь, а там он... дед этот на – иконе. Я так и остолбенел! Сразу узнал его! Оказывается, это был Николай Угодник, – глаза Угрюмого смеялись, – он, между прочим и тебя спас!

– Когда?

– Там, в промзоне! Ты лежал передо мной как на ладони! Я только прицелился, хотел уже стрелять, а тут он! Встал, закрыл тебя и говорит: «Не убивай брата своего!». Я упирался, упирался, но в итоге стрелять не стал. Просто собрался и ушел.

– А я не послушал его и выстрелил! Этим и убил всех своих близких... – Никодим скорбно опустил голову, потом тихо произнес, – Святитель Николай, сказал мне: «Не убивай – будут скорби!». Но я... теперь, все родные и любимые погибли. На моих глазах. Такая ужасная боль в сердце, никогда не отступает, ни днём не ночью – сущий ад!

Некоторое время молчали, думая каждый о своем. Затем Никодим повернул голову к собеседнику:

– Ты все воюешь?

– Пока закончил... пытаюсь научиться мирной жизни, – Угрюмый грустно улыбнулся.

– Чем занимаешься?

– Учю мальчишек военному делу, – глаза снайпера потеплели, – в кадетском корпусе инструктором работаю. Я же ничего кроме войны не умею

Никодим вздохнул:

– Представляешь, как мы ожесточились в своей безбожной глупости и злобе! Брат охотится на брата, чтобы убить его! Но мы же дети одного Отца! Умоляю тебя, брат, не ходи больше на войну, не убивай своих братьев! – он просительно склонился перед Угрюмым. Тот качнул головой:

– Всё не так просто, брат... есть враги Отечества и потом... я столько лет воевал... – он посмотрел, в печальные глаза Никодима и вздохнул, – я постараюсь, брат!

– Ну и слава Богу!

Они обнялись крепко-крепко! По-братски...

Москва. Январь 2019 г.